

Анализ аргументации авторов, построенной на основе оперирования многочисленными фактами из истории России, позволил диагностировать наличие устойчивых стереотипов мобилизационного типа развития: направленность на экстенсивный рост, заимствование новаций, что косвенно свидетельствует о признаках проявления архетипического образа. На этом основании нами поддержано мнение И. В. Побережникова о ментальной природе МТР. Можно предположить, что в историко-психологическом плане он является архетипической моделью оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского, сформировавшейся в течение длительного (многих веков) времени в результате социальной практики многих поколений.

4.2. ИДЕЯ ДЕРЖАВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

История российской цивилизации насыщена кризисными ситуациями в экономике, политике, духовной, экологической и иных сферах жизнедеятельности. Не единожды общество преодолевало болезненные последствия разрушающего воздействия очередных стратегий насаждения опыта социального обустройства, выработанного на основе ценностей романо-германского мира. Периодически возникавшие напряжения вокруг и внутри вертикали власти, ставшие атрибутом политических циклов, сформировали у российских интеллектуалов устойчивую потребность в переосмыслении прежних и новых выражений её самобытности¹.

¹ См.: Зуляр Ю. А. Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях. Учебное пособие. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2006. – 111 с.; Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. – С. 59 - 60; Лубский А. В. Концепт «Русская власть». Метафорические возможности интеллектуального дискурса; Макаренко В. П. Русская власть. (Теоретико-социологические проблемы). – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. – 446 с.; Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – С. 176 - 197; Розов Н. С.

Проблема особенности российской государственной власти не может быть до конца понята без представлений о трансформации её смыслового поля, сложившегося в результате восприятия в общественном сознании отношений господства – подчинения в различные периоды истории. Было бы наивным думать о единообразном понимании своего долга верховного правителя, к примеру, такими фигурами, как Иван Грозный и Президент Российской Федерации, равно как и простыми людьми соответствующих эпох, имевших собственные представления о желаемом и действительном образе государственной власти. На этапах генезиса политической мысли, несмотря на многообразие уровней её усвоения различными слоями общества, коренным образом не изменялись ценностные константы в фазах зарождения и становления российской цивилизации, явившиеся духовной основой для объединения народов в рамках существующей уже много столетий общей государственности. В противном случае сложившийся союз и не мог быть долговечным.

В историческом знании проблема метафизической основы российской государственной власти рассматривалась с учётом основополагающей роли православия в формировании коллективных ценностей и общезначимых идей для населения, составившего ядро Московского царства. Речь шла главным образом о соборности¹, симфонии властей² и державности¹, религиоз-

Специфика «русской власти», её ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. – 2011. – № 1. – С. 29 - 41 и другие.

¹ Смысл соборности, согласно Буданцеву Ю. П. и Большакову В. И., заключён в добровольном стремлении населения к единению вокруг духовно-нравственного стержня (Буданцев Ю. П., Большаков В. И. Соборность российской государственности: Историко-социологический анализ. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1999. – С. 22).

² Принцип симфонии властей, сформулированный византийским императором Юстинианом, провозглашал свободу светской и церковной властей, не предусматривая при этом их взаимной разобщённости. Принцип утверждал идеал церковно-государственных отношений. «Для государства Церковь является его составной частью, а для Церкви государство есть внешнее историческое оформление жизни народов, входящих в состав Церкви» (Кожяев М. М. Теория «симфонии» церкви и государства в религиозной мысли Древней Руси XI – XVI веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2011. – С. 15 - 16).

ные смыслы которых стали предметом историософской мысли XIX в. Однако и в XX в. они не потеряли актуальности для учёных, относившихся к феномену веры как к одному из факторов, создающих историю и одновременно выступающему методом её постижения, наряду с научной рациональностью, художественным и обыденным мышлением. Некоторые исследователи (О. Ю. Винниченко, Ж. В. Ефремова, А. Ю. Мордовцев²) находили связи духовных истоков российской власти с общинной организацией жизни локальных миров, с преобладанием в сознании русского человека ценностно-рационального мышления и тяги к мессианству, в итоге предопределившие надправовое положение управляющей элиты, сакрализированный образ верховного правителя и иерархичность в построении властных структур.

В исторических науках проблема выявления и описания архетипов, «ответственных» за свойства и конфигурацию системы власти, ещё не удостоивалась историографического анализа. Недостаток внешней, внутренней критики и сопоставлений имеющихся точек зрения создавал почву для бесконечной импровизации в части определения соответствующих базовых элементов в структуре бессознательного.

Автор намерен обратить внимание на недооценённое значение идеи державности в понимании функций государственной власти. В святоотеческих и светского характера текстах, о

¹ Леонова О. Г. Цивилизационные аспекты российской государственности [Электронный ресурс] // Портал ИНИОН РАН – Россия и современный мир: Тенденции развития и перспективы сотрудничества. – URL: <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100006940> (дата обращения 23.03.2009); Полежаев Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа. – С. 9.

² Винниченко О. Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – С. 85 - 92; Ефремова Ж. В. Образ государства и власти в контексте русской ментальности // Национальная идея как фактор обеспечения социально-политической и экономической стабильности российского общества: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А. Л. Елисеева. – Орёл: ОрёлГТУ, 2001. – С. 337 - 344; Мордовцев А. Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 15 - 16.

которых речь пойдёт ниже, толкование идеи включало канонические сюжеты о соборности и симфонии властей, что даёт право выделять державность в качестве информативной и ключевой смысловой конструкции, глубоко укоренённой в историческом сознании русских.

В современной историографии державность некоторыми исследователями определялась как принцип устройства российского общества (М. М. Кожаяев), государства (Е. В. Алексеева, Е. З. Майминас)¹. Рассуждения о ней можно встретить не только в духовном наследии русских мыслителей XIX в. Идея отразилась в гимне РФ, в названии и программах некоторых партий, возникших в последние 20 лет.

Ввиду отсутствия систематизированных знаний о данном сегменте историографического поля, аккумулировавшего практики концептуализации идеи державности как в отдельных предметных, так и в междисциплинарном пространствах, назрело объёмное исследование, которое бы позволило не только расширить представления о тенденциях развития отечественной мысли, но и рассмотреть основные направления трансформации смыслов идеи в современном историческом знании. Общий замысел обусловил постановку задачи – рассмотреть точки зрения на происхождение смыслов ключевого понятия и их участие в формировании образа русской власти. Одновременно будет предпринята попытка выявить основания, по которым державность может определяться как архетипическая модель российской власти.

Порядок образования семантического поля понятия державности интересовал составителей словарей русского языка, определявших смысловые границы однокоренных слов, вычленённых в первую очередь из семиотического континуума памятников письменности XI–XVII вв. Методика основывалась на приёмах пояснения речевых символов, которые оттачивались в течение XVIII – начала XX в. в словарных статьях, рас-

¹ Алексеева Е. В. Указ. соч. – С. 37; Кожаяев М. М. Указ. соч. – С. 17; Майминас Е. З. Указ. соч. – С. 118.

крывавших этимологию ключевого понятия «держава» и группы производных от него речевых фигур.

В целом у историков не было сомнений в изначальной его принадлежности к древнеславянскому языку («держава» – власть, сила, могущество), известного по библейским текстам¹, откуда черпались идеи, цементирующие в XI–XV вв. древнерусское общество, уже «беременное» российской цивилизацией. Однокоренные аналоги существуют в языках многих славянских народов центральной и восточной Европы, обозначающие, как полагал П. Я. Черных, крупное государство (держава – на украинском, държава – болгарском; држава – сербском и хорватском; drzava – словенском, чешском; dzierzawa (аренда) – польском)².

Впервые интересующий нас терминологический ряд в упорядоченном виде был представлен в «Словаре Академии Российской», часть II (1790) и часть VI (1822). Векция внутренней политики Екатерины II и Александра I, направленные на секуляризацию духовной жизни, отразились на подборе содержания статей. В них излагались общие значения таких понятий, как держава («государство, земля, страна верховной властью управляемая, владычество, могущество, крепость, сила, небольшой золотой шар с четвероконечным крестом на верху») и самодержавие («управление самовластным государством»)³.

¹ Откровение Святого Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный Текст. – М.: Русский паломник, 2011. – С. 1169, 1172; Первое соборное послание Святого Апостола Петра. – Гл. 4. – Ст. 11 // Там же. – С. 1084; Первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла. – Гл. 6. – Ст. 16 // Там же. – С. 1152; Книга Иова. – Гл. 25. – Ст. 2 // Там же. – С. 501; Послание к ефесянам Святого Апостола Павла. – Гл. 1. – Ст. 19 // Там же. – С. 1133; Послание к евреям Святого Апостола Павла. – Гл. 2. – Ст. 14 // Там же. – С. 1160.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Изд-во «Русский язык», 1999. – Т. 1. – С. 343.

³ Словарь Академии Российской. – Часть II. (Г–З). – СПб.: Императорская Академия наук, 1790. – С. 609 - 614; Словарь Академии российской: по азбучному порядку. – Часть VI. (от С и до конца). – СПб.: Императорская российская академия, 1822. – С. 18 - 19.

Держава царя Михаила
Фёдоровича Романова

Однако уже в следующем издании – в Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном сотрудниками второго отделения Императорской академии наук в 1847 году, номинации ключевого понятия «держава» отличались большим разнообразием с разделением на группы значений:

– название царской регалии в виде шара (яблока) с крестом¹;

– светские значения идентифицировались с «государством», «независимым владением». К данной семантической группе относились существительные: державец (правитель) и держальник (помощник воеводы);

– религиозный оттенок подразумевался в таких понятиях, как владычество, могущество, крепость, сила. Из литургических текстов были выделены родственные значения однокоренных слов: державно (с могущественной властью), державство (владычество, верховная власть), которые в середине XIX в. ещё не требовали дополнительных пояснений по поводу

¹ Среди рассуждений Симеона Полоцкого, посвящённых своему бывшему ученику и воспитаннику – молодому царю Фёдору Алексеевичу, имеется описание религиозно-политического смысла регалии державы. «Когда «царь на царство помазан бывает», то в шуйце (левой руке) держит он «державу обладающему землею во славу... Её кругловидну все изображают, верху же ея крест честный утврждают». Монарх держит её в левой руке оттого, что «добродесно не земно богатство, но царство небесно»...Кругловидность её «знаменует», что власть в одной руке «непостоянствует, но из руки в руку скоро претекает... Крест изображают выше державы», и это означает «крестом спасённый мир», и что «Христос верных сих державу вручествует в свою божествену славу... Его ради славы тебе вручена русская держава, светом просвещена». (Цит. по: Герцен Н. А. Восприятие образа правителя в русской культуре конца XVII века: дис. ... канд. культурологии. – М., 2006. – С. 119 - 120).

казавшейся составителям их очевидной божественной констелляции¹;

– о глубоком проникновении «державной» терминологии в народное сознание свидетельствовали приведённые названия предметов повседневного пользования: держалень (балюстрада, перил); держалка – рукоятка, ручка; держальцы – штемпель, держава – железная полоса (стержень, прут) – элемент приспособления дляковки/сварки железа. Глагольная форма «держать» насчитывала 11 оттенков значения владеть кем-нибудь/чем-нибудь.

В толковом словаре великорусского языка В. Даля (1880) практика употребления перечисленных выше смыслов иллюстрировалась внушительным рядом фразеологизмов, взятых из литературы, из устного народного творчества и разговорной речи. «Державство» отождествлялось с владычеством как правом верховной власти, а «державность» переводилось как свойство или принадлежность к владычеству². Аналогичная работа была проделана И. И. Срезневским, опубликовавшим в 1893 г. первый том материалов для словаря древнерусского языка, составленных по письменным источникам XI–XIV вв. Сведения были систематизированы таким образом, чтобы читатель мог увидеть хронологию развёртывания смыслов державы, в XI в. трактуемой, по мнению автора, как власть, сила, основа, а в XII–XIII вв. – как управление, государство³.

Словарная практика допускала осовременивание трактовок терминологией более позднего происхождения, которой составители владели гораздо лучше, чем языком книжников. Памятники письменности предоставили множество примеров того, как люди в местах проживания локализовали политическое

¹ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. – Т. 1. – С. 318 - 319.

² Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля. Второе изд. – СПб.-М.: Типография М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – С. 443.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – Т. 1. – С. 773 - 778.

пространство одним городом, представлявшемся центром земли, находящемся под защитой князя. Его ощущение передавал Даниил Заточник и последующие летописцы, писавший: «Дуб крепок множеством кореня; тако и град наш твоею [князя] державою»¹. Древнерусский человек, по мнению И. Н. Данилевского, оставался бы в неведении относительно слова «государство», появившееся в лексике намного позже. Тем не менее рассмотренные выше словарные статьи, равно как и другие издания², инвентаризировавшие результаты развития русского языка и посредством его – политической мысли, показывали удревлённость в общественном сознании ключевого понятия, употреблявшегося в XI–XVII вв. в различных значениях, охватывавших предметную часть таких важнейших сфер жизнедеятельности, как духовно-религиозная, управление верховной властью, материально-трудовая и бытовая.

Новая попытка систематизировать значения державы была предпринята уже на исходе советского периода в Словаре русского языка XI–XVII вв., выпущенном в 1977 г. Институтом русского языка РАН. Принципиальным отличием от дореволюционных публикаций явилось построение уже известного нам смыслового ряда: владычество, могущество (правителя), сила (988); удел, княжество, владение (1150, 1474); власть, правление (1305, 1688); страна, государство (1573, 1675)³ – в хронологическом порядке в соответствии с предполагаемой датировкой источников – памятников древнерусской письменности. Как ви-

¹ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – С. 169.

² Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Типография Вильде, 1900. – С. 141 - 142; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. (А–О). – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914. – С. 181; Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – Т. 1. (А–Д). – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1895. – С. 1112; Старчевский А. В. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. – С. 165.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. (Г–Д) / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1977. – С. 222.

дим, в советском академическом издании вниманию удостоилась исключительно светская семантика.

Специалистом по древнерусской лингвистике В. В. Колесовым в 1986 г. был осуществлён историко-семиотический анализ ключевого понятия. Примечателен ряд выводов, касавшихся происхождения первичных и последующих его смыслов, извлечённых из памятников книжности, служивших источниками и для его предшественников. Автор пришёл к заключению о наличии у населения Киевской Руси изначальных представлений о власти, осознаваемой как сила рода, которой время от времени наделялся один из его представителей, держащий эту власть. В тот период держава, по мнению учёного, означала простое держание власти¹, то есть власть понималась как право, а держание – это власть. Вслед за Владимиром Мономахом русские князья, включая и Дмитрия Донского, трактовали державу как поддержку могуществом или силой, дарованную небесным Творцом, выступавшим верховной силой. В Ипатьевской летописи (1199) появляется новый византийский термин-канцелярит – «самодержец», позже вошедший в титулатуру Василия III (1479–1533), постепенно замещавший в последующие периоды ранее введённое в оборот понятие «царь»².

Как известно, развитие языка напрямую связано с развитием мышления. На примере ранней истории русского народа данную связь состояний выделил И. Н. Данилевский, писавший: «Сначала слова предельно конкретны, употребляются преимущественно в качестве *имен собственных*. На втором

¹ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 268, 271 - 274.

² В. В. Колесов исходил из последовательности замещения титулов. Царь, по его мнению, в старорусской мысли рассматривался в роли носителя власти, не единоличной, принадлежащей роду, классу, общине. Государь воспринимался как полный хозяин страны, а император – владыкой, «отцом народа» (Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – С. 114). Любопытно совпадение, отмеченное Р. Г. Скрынниковым: титул самодержца Ивану III понадобился после того, как появились два соправителя – братья Дмитрий и Василий – с одинаковыми титулами «великих князей» (Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVIII вв. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 212).

этапе развития языка осуществляется переход к обозначению словами целых классов явлений. В дальнейшем же слово превращается в орудие или средство выработки понятий и тем самым терминологизируется». Поэтому «древнерусские тексты, судя по всему, могут быть с полным основанием отнесены ко второму из названных этапов развития языка. Описания в них еще нетерминологичны, но уже позволяют типологизировать происходящее»¹. Уже начиная с XVII в. с различением в контексте властных отношений значения «территории» и «люди на ней живущие» произошло терминологическое сужение смысла «державы», и великий князь «получает двуединую формулу власти, соотносимую с волей бога: и над землёй (державу держит самодержец), и над людьми (царь-государь)»².

Таким образом, В. В. Колесов пришёл к выводу о последовательности введения в оборот таких понятий, как: земля – страна – государство – царство – держава – империя, отметивших собой повороты представлений русских о новом в развитии их социальной (в широком смысле) и политической организации. С постепенным растворением в мирских подобиюх

¹ Данилевский И. Н. Указ. соч. – С. 8–9. Выводы историка о стадийных метаморфозах понятийного аппарата книжников коррелировали с изысканиями А. Н. Ужанкова, определившего по текстам древнерусской литературы доминирующий на той или иной временной стадии синкретический метод познания-отражения мира. В результате было выделено 5 стадий: мировосприятия (XI–XII вв.) с соответствующим религиозно-символическим мышлением, когда познание собственно и сводилось в «Богопознанию»; мирозерцания (XIII–первая половина XIV вв.), в течение которой происходил переход к объективно-идеалистическому, или иными словами – религиозно-прагматическому мышлению с усвоением причинно-следственных связей; миропонимания (вторая половина XIV–до 90-х гг. XV в.), когда мир воспринимался как символ величия Творца, но утвердился утилитарный подход природе и рассудок уже доминировал над чувствами; миропостижения (с 90-х гг. XV в. до 40-х гг. XVII вв.) с усвоением материального мира не через веру, как в предыдущих стадиях, а разумом с помощью религиозно-рационалистического, индуктивного метода; миропредставления (с 40-х гг. XVII в. по 30-е гг. XVIII вв.) с характерным переходом к естественно-научному рационалистическому мышлению (Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI–первой трети XVIII века: Стадии и формации. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 253–256).

² Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – С. 276–277.

прежних представлений о божественной власти требовалось их обновление, каждый раз происходившее посредством принятия необычной для традиционного сознания титулатуры с новым возвышенным прочтением прежней версии о неземной природе власти.

Для энциклопедических словарей, выпущенных в перестроечные годы, характерной чертой стало вымывание смыслового разнообразия ключевого понятия и фокусирование внимания на державе как одной из регалий царской власти¹.

Из сказанного следует, что собранный словарный фонд русского языка включил в себя многослойное семантическое поле, сформировавшееся на базе слова «держава». Авторами вышедших (начиная с конца XVIII в.) в свет энциклопедических словарей в исторической ретроспективе отслеживалось его насыщение новыми значениями, среди которых не чётко выраженные, но востребованные в монархический период религиозные смыслы утратили свою актуальность после событий 1917 г. в атмосфере господства атеистического мировоззрения. Несмотря на умеренную в этимологическом плане информативность словарной группы, итоги её анализа тем не менее важны и являются первым шагом в определении семантической нагруженности понятия «державность», проблематизированного в историческом знании о специфике российской государственной власти.

Державность в контексте историографии проблемы религиозного восприятия самодержавной власти

В течение коренной (как полагали современники) перестройки общественного строя в постсоветской интеллектуальной среде шёл напряжённый процесс осознания внешних и внутренних факторов, причин, движущих сил, тенденций, со-

¹ История отечества с древнейших времён до наших дней. Энциклопедический словарь / Сост.: Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Е. И. Куксина и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – С. 178; Большая российская энциклопедия / Пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2007. – Т. 8. – С. 564; Большой толковый словарь / Под ред. Р. А. Мандрик. – Новосибирск, 2010. – С. 1694.

провождавших неоднократно происходившие в российской истории кардинальные перемены в системе государственного управления. Метаморфозы власти связывались с относительно динамичным переходом социума в целом в качественно новое состояние, на чём, собственно, и основывалась общая хронология социальной истории, фиксируя время удельных княжеств, Московского царства, Петербургского и советского периодов. В каждом периоде отмечалась закономерность повторения в той или иной форме правления свойств традиционной верховной власти, которые требовалось определить, располагая возможностями усвоенного аналитического инструментария исторического и иного социогуманитарного знания.

Общей и не будет преувеличением назвать основным объектом изучения указанной темы, а в его рамках – генезиса державности, явилось познавательное пространство, сложившееся вокруг категории «самодержавия», наполнявшейся время от времени актуальными политическими и религиозно-нравственными смыслами, выявленными и в различной степени рассмотренными в трудах многих поколений отечественных историков.

Если в советской историографии самодержавие трактовалось исключительно как монархическая форма правления в России, отождествляемая с абсолютизмом¹, то в постсоветский период указанные понятия в работах некоторых авторов в смысловом плане уже разводились. В научных публикациях 2000-х гг. появились призывы о необходимости исследования: «державного инстинкта русского народа», «царистских наклонностей русской души»², выказывавшие наличие общественного заказа на изучение духовных оснований русской власти в историко-психологическом контексте с вытекающим объяснением очевидной преемственности её базовых черт. Формируется ряд тематических направлений, посвящённых анализу

¹ Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Т. 12. – С. 514.

² Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – 2-е изд. испр. и доп. – Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. – С. 197.

духовных истоков самодержавия, рассматривавших историю усвоения народом и его элитой идей о царском служении как религиозном послушании¹, повествовавших о длительном пути осмысления державной функции верховной власти.

Державность в контексте катехонической идеи. Религиозное восприятие самодержавной власти было характерно для работ богословов и представителей светской исторической науки, сочетавших православное мировоззрение с поиском истины им присущими методами. В теоретическом плане светская историография опирались на аналитические выкладки архиереев русской церкви, славянофилов и представителей русской консервативной мысли XIX – начала XX в.², для которых Бог был предметом и методом исследования, а византийское духовное наследие рассматривалось в качестве важного фактора формирования социокультурного пространства Древней Руси.

В широком смысле византийское наследие представлялось в виде синкретично воспринятой русскими системы ценностных ориентаций, включившей православную версию христианских канонов и выработанные на их основе автократические и мессианские идеи³. Соглашаясь с общим мнением о появлении слова «самодержец» в недрах византийского делопроизводства путём дословного перевода с греческого «автократор», ученые и богословы видели его органичную связь с учением о катехоне.

¹ Леонова О. Г. Указ. соч.

² См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.; Флоренский П. А. Около Хомякова: (Критические заметки). – Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1916. – 78 с.; Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. Мысли вкратце извлечённые из проповедей Филарета митрополита Московского. – Изд. четвёртое. – М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1906. – 57 с.

³ Естрина О. В. Византизм – фактор российского социокультурного пространства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2007. – С. 22; Бражников И. Византизм: стилизация или фактор идентичности? // Экономика и развитие. – 2012. – № 4. – С. 89.

Идея «Удерживающего» (греч. катехон) была сформулирована апостолом Павлом во Втором послании к общине города Солоники и по настоящее время является одной из ключевых в христианской эсхатологии. В своём толковании фразы апостола: «Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держа́й ны́нѣ дондеже от среды́ будетъ (Ибо тайна беззаконія уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет [взят] от среды удерживающий теперь...)»¹, Иоанн Златоуст (ок. 347–407) отождествлял беззаконие с наступающими на мир силами Антихриста, приход которого «удерживает» защитник христианского царства. Первоначально катехона олицетворял обожествлённый император Римской империи, в которой после Второго Вселенского Собора (Константинополь, 381 г.) христианство стало государственной религией. С падением Рима под натиском остготов (476 г.), а в 1453 году – и второго состава служителей катехона – василевсов Восточной Римской империи (позже названной итальянскими гуманистами Византией), миссию вселенского Удерживающего, по мнению выразителей утверждающейся в XV в. идеи «Третьего Рима», наследовал великий князь Московский и Владимирский Василий III – глава последнего православного царства, укрепивший свой высокий религиозный статус титулом самодержца².

В рассматриваемый период в отечественном богословии каноническое толкование миссии катехона и порядок её исполнения получили новое звучание в контексте российской истории. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычѳв) предположил, что первым, кто понял своё великок-

¹ Второе Послание к Фессалоникийцам (солунянам) Святого Апостола Павла // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный Текст. – М.: Русский паломник, 2011. – С. 1148.

² Алферьев Е. Удерживающий // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие / Гл. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – Т. 3. – С. 404; Бражников И. Указ. соч. – С. 85 - 88; Малер А. М. Северная Византия [Электронный ресурс] // Православная беседа. – 2007. – № 2. – URL: http://www.katehon.ru/html/top/politologia/idea/severnaya_vizantia.htm (дата обращения 2.03.2013); Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М.: Алгоритм, 2010. – С. 57, 130.

няжеское служение как обязанность «Удерживающего», был Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174)¹, то есть за три столетия до падения Византии. Эту миссию, по мнению иерарха, подразумевали все последующие князья и книжники, употреблявшие термин «держава» в своих представлениях о княжеской власти. Среди многих доказательств сказанному была приведена цитата из послания Ростовского архиепископа Вассиана Рыло (1480) Иоанну III, упрекавшего князя в нерешительности при стоянии русских дружин против войска хана Ахмата на р. Угре: «Что я прежде изустно сказал тебе... о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу»². Владыко обратил внимание на то, что в послании душа и держава не случайно оказались рядом, выражая, таким образом, распространённый в древнерусском обществе принцип княжеского служения Богу – управив державу и душу спасёшь. Рассуждения подводили читающую аудиторию к выводу о существовании ещё до Василия III традиции среди священнослужителей приучать князей думать об ответственности «Удерживающего» в пределах своего удела, возможно, пока безотносительно к остальному православному миру.

Среди исследователей не было принципиальных разногласий по поводу безусловного влияния канонической идеи катехона на мировоззрение общества и на духовную компоненту власти в средневековой Руси. Позиции различались в части глубины проникновения в ту грань проблемы власти, сущность которой в начале XX в. выразил П. Флоренский (а в рассматриваемый период усвоили его цитировавшие Б. А. Успенский, М. Н. Шевченко и другие обществоведы), подчеркнувший, что «самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или гос-

¹ Снычев Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский). Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – С. 136.

² Там же. – С. 150.

ударственную пользу»¹. Созвучие семантики цитаты с понятиями «держава» и «самодержавие» обрела недвусмысленное содержание в трудах, посвящённых исследованию воплощения миссии катехона в идее «Третьего Рима» и её проекций на известные в российской истории формы верховной власти.

Державность в контексте идеи «Третьего Рима». Тема «Третьего Рима»², несомненно, важный сюжет в исследовании общественно-политической мысли средневековой России, в отечественной историографии лишь с середины 1970-х гг. удостоилась глубокого изучения в рамках отдельных статей, выполненных на высоком научном уровне³. На рубеже XX–XXI вв. она продолжала быть предметом исследований историков на

¹ Флоренский П. А. Указ. соч. – С. 26; Успенский Б. А. Избранные труды. – Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С. 111; Шевченко М. Н. Эволюция идеи «царской» власти на Руси во второй половине XV-первой трети XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск. 2006. – С. 14.

² В историографии используются два названия идеи. Странники формулы «Москва – Третий Рим» находили её обоснование в текстах митрополита Зосимы и других иерархов церкви, объявлявших Москву новым Константинополем с естественным домысливанием связи с Римом. Странники названия «Третий Рим» опирались на тексты Филофея, в которых Римское царство до тех пор как пало, отождествлялось со всем православным миром. После несбывшихся в 1492 г. предсказаний о конце мира, в последующие четверть века эсхатологическая тема, чрезвычайно волновавшая средневековое общество не только на Руси, но и в Европе, вновь возродилась в связи с предсказанием немецкими астрологами потопа уже на 1524 г. Монах псковского Елеазарова монастыря Филофей (ок. 1465–1542), иосифлянин по своим взглядам, один из авторитетных богословов своего времени, в послании (1523–1524) псковскому дьяку М. Г. Мисюру-Мунехину сформулировал по существу базовый ценностный императив формирующейся московской государственности, ставший для российской цивилизации судьбоносным: «...два убо Рима падоша, а третей стоит, а четвертому уже не быти...» (Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюру Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима». Фрагмент третьей четверти XVI в. // Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). – М.: Издательство «Индрик», 1998. – С. 348.).

³ Бауэр Е. А. Идея «Москва – Третий Рим» в русской общественной мысли конца XV–начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2008. – С. 6.

основе текстологического анализа памятников русской письменности¹.

Было установлено, что взгляды сподвижников идеи – предшественников и последователей Филофея из числа греческих и русских богословов, явились результатом религиозного переосмысления внешнеполитических событий XV – начала XVI столетий, а также убеждённости в истинности канонического учения о третьем (и последнем) земном странствующем царстве, обосновывавшего перемещение на Русь центра восточного христианства. Мотив рассуждений был связан с отождествлением последнего четвёртого царства с небесным царством, в соответствии с откровениями из Книги пророка Даниила: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»². Размышления инока касались религиозных основ русской монархии.

Отдельные сюжеты современных работ можно отнести к попыткам концептуализации идеи державности, которую историки вычленяли из представлений книжников о «заботах» царя. Несмотря на активное использование понятия державности и родственных слов (держава, самодержавие и других) в поли-

¹ См.: Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма: дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 378 с.; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Идеологема «Москва – Третий Рим» // *Философия истории: учебное пособие* / Под ред. проф. А. С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – С. 175 - 178; Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва. 29–31 мая. 1989. Сборник статей / Отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Институт Российской истории РАН, 1995. – 356 с.; Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.) – М.: Издательство «Индрик», 1998. – 416 с.; Товбин К. М. Трансформация концепции «Москва – Третий Рим» в русском православном старообрядчестве: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 27 с.; Шевченко М. Н. Указ. соч.; Успенский Б. А. Указ. соч. – С. 83 - 141 и другие.

² Книга пророка Даниила. – Гл. 2. – Ст. 44 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный Текст. – М.: Русский паломник, 2011. – С. 805.

тическом лексиконе и в научных текстах, значение его начальных смыслов до сих пор недооценено в истории идей, обусловивших особенность государственной власти в России и порядка организации управленческой элиты. Имея это в виду, поставим задачу выявить специфику подходов в исследовании державности как духовного феномена, усвоенного населением Московского царства, рассмотрим особенности его трактовки в трудах, посвящённых проблеме «Третьего Рима» согласно очерёдности написания и опубликованным в течение последних двух десятилетий, т.е. в период актуализации цивилизационной тематики.

Как показали источники, интересующий нас феномен был замечен учёными, проводившими объёмные исследования наследия Филофея. Рассмотрим каждое из них отдельно.

Первоначальные звенья концепции «Третьего Рима» *Н. В. Сеницына*, активно работавшая над темой с начала 1980-х гг., выделила в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы (1492), составленной иерархом на восьмое тысячелетие после того, как Русь пережила апокалиптические ожидания, связанные с датой окончания седьмого тысячелетия со дня сотворения мира. Афористичные суждения Филофея в посланиях к царю и дьяку М. Г. Мисюру-Мунехину она считала айсбергом русской средневековой политической мысли, идеологическим инструментом для подготовки общественного мнения к царскому венчанию великого князя. Логика инока была скрыта в усвоенных канонических и святоотеческих текстах, в событиях священной и мировой истории¹. Как отповедь выдумкам астрологов – «сия вся кощунны суть и басни» он высказал, как полагала исследовательница, мысли о религиозно-политической миссии Руси, анализ которых привёл к ряду важных выводов.

Филофей в своих посланиях выразил не только личное ощущение желаемого для Руси восточно-средиземноморского и европейского вектора культурно-исторической и религиозной

¹ Третий Рим. История одной идеи. Интервью В. Каплан с Н. В. Сеницыной [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Фома». – 2010. – № 9(89). – URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=4663> (дата обращения 9.01.2012).

ориентации. Формула «Третьего Рима» зафиксировала время, когда уже осознавалось единство христианского мира и его церкви, то есть «национальное» и «вселенское» ещё не стали оппозиционной парой Нового времени. Поэтому не случайно после падения Византии русские воспринимали своё государство в роли единственного гаранта и защитника православия, «удерживающего» приход Антихриста.

В посланиях имелся в виду не мессианизм, предполагающий расширение пределов (территории, веры, экономического влияния и т.д.) в пространстве, а мессианство, нацеленное на обеспечение протяжённости во времени последнего христианского царства¹.

Автор неоднократно подчеркивала встреченный в текстах смысл понятия державы как православного царства, вместилища истинной христианской Церкви².

Впрочем, Н. В. Сеницына не заостряла внимания на эсхатологической теме, так как цель исследования была иной – выделив первоначальное содержание «третьеромистской» концепции, изучить его в широком историко-литературном, церковно-политическом и дипломатическом контекстах. К тому же уяснение основных положений осуществлялась в упаковке универсальной социологической терминологии с употреблением таких понятий, как: идеология, доктрина, концепция, теория, в своё время «обкатанных» на объяснении сюжетов истории XIX–XX вв., но оказавшихся в инструментальном отношении нейтральными или слабо выражающими суть духовных интенций русских богословов XV–XVI вв.

Руководствуясь знаниями об особенностях средневекового мышления, В. Д. Бакулов выделил в идее «Третьего Рима» идеализированные представления о власти русских царей. Предполагалось, что мышление книжников было направлено на осознание и измерение в эсхатологически-провиденциальной системе координат роли и положения страны не только относительно настоящего, но и прошлого на основе обоснования

¹ Сеницына Н. В. Указ. соч. – С. 328.

² Там же. – С. 238, 244, 330.

древности и знатности происхождения правителей и преемственности их церковных полномочий. Соответствующие данному мышлению установки, по мнению автора, «соизмеряясь и синтезируясь с особой оценкой исторической ситуации, эсхатологическим масштабом религиозных, политических и прочих событий в мире в целом и в стране в частности, задают в качестве реальных, насущно-необходимых целей и задач идеи и постулаты об особом предназначении российского народа, страны, государства и правителя»¹.

Учёный интерпретировал содержание идеи «Третьего Рима» через призму перевоплощения утопии в утопизм. В социально-гуманитарных науках рубежа XX–XXI вв. утопия относилась к классу социокультурных феноменов, проявляющихся в различной ипостаси, а именно: как жанр социальной мысли, тип сознания и способ мышления, элемент политической идеологии или правосознания. Суть перевоплощения была найдена в обмирщении идеалов. Существенное в месте и роли филофеевой идеи В. Д. Бакулов увидел в том, что она являлась духовным компонентом целеполагания, иными словами – генератором и хранителем идеалов русского общества, его представлений о совершенной форме общества и государства. В этом качестве «Третий Рим» отождествлялся с утопией Отечества², идеализирующей верховного правителя, народ и страну в целом³.

Исследователь выделил основной лейтмотив рассуждений монаха – укрепление веры, очищение общественной и личной жизни от неправды и несправедливости. В посланиях Филофея он не нашёл и намёка на мрачные апокалиптические ожидания. В царстве «Третьего Рима» старец, по его мнению, видел продолжение поступательного хода истории в пределах сроков, предначертанных Провидением.

¹ Бакулов В. Д. Указ. соч. – С. 226.

² Согласно В. В. Колесову понятие «Отечество» выражает роль отцовства, связанную с долгом и правом, с государственной и сознательной жизнью. В свою очередь, понятие «Родина» выражает материнское начало в символическом неосознаваемом восприятии месторазвития народа (Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – С. 77 - 78).

³ Бакулов В. Д. Указ. соч. – С. 25, 31, 243 - 244, 350.

Характеризуя отношение средневекового человека к государству, учёный опирался на позицию А. Л. Юрганова, считавшего, что данный институт в период продолжительных эсхатологических ожиданий представлялся людям гласным средством коллективного спасения, так как путь в небесное царство можно было заслужить только верой и правдой у того, кто исполняет волю Бога на земле и отвечает перед ним за неисполнение подданными заповедей Божьих¹.

В рассуждениях Филофея Московия, согласно В. Д. Бакулову, выступает христианской державой, царством «предстоящего совершенствования, «уряжения», торжества высших религиозных, социальных, моральных идеалов, царство гармонии церковных и светских властей»². В этой связи правителю христиан уготована апостольская миссия хранить православную веру, блюсти справедливость, следовать высшей сакральной истине, чтобы достойно единовластвовать во времена «Третьего Рима». При этом, как было замечено, тема приумножения богатств относилась к разряду второстепенных, и ничего не говорилось о расширении земного владычества, в том числе за счёт обращения в православие других народов.

Таким образом, автор в общих чертах повторил сформулированный ещё В. В. Зеньковским вывод о том, что в русской православной церкви изначально присутствовало и до определённого времени приумножало число своих сторонников направление богословской мысли, стремившееся не к идеологическому обслуживанию интересов государственной власти, но к симфонии властей как идеальному порядку усвоения возложенной на неё миссии Промысла Божия и следования с помощью церкви нравственно-религиозным эталонам³.

Из анализа идеи «Третьего Рима» в формате утопии логически следовало объяснение её последующей трансформации в

¹ Там же. – С. 227; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – С. 439 - 440.

² Бакулов В. Д. Указ. соч. – С. 248, 256.

³ Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. – Л.: Эго, 1991. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 44 - 45.

утопизм в доктринальной форме. Как хранилище идеальных образов (государства, церкви, царя, народа) идея в период правления Ивана IV Грозного была превращена в программу непосредственного воплощения этих образов в действительность¹ с замещением первоначальных религиозно-нравственных смыслов на религиозно-политические.

Из сказанного ясно, что В. Д. Бакулов трактовал понимание старцем ни с кем не разделяемую державную власть царя как религиозную функцию монарха. Таким образом, одно из свойств данной власти – державность выражало осознанную готовность главы православного мира защищать веру и подданных от Антихриста, являющуюся религиозно-нравственной нормой, предначертанной Создателем.

Представляя идею «Москва – Третий Рим» концепцией, К. М. Товбин обнаружил её истоки в самых ранних произведениях русской книжности. В исследовании проблемы генезиса автор опирался на выводы Н. В. Сеницыной и В. Д. Бакулова относительно условий возникновения и направленности воззрений Филофея. Основную часть доказательной базы составили цитаты из трудов русских (Н. А. Бердяев, Н. Ф. Каптерёв, П. Н. Савицкий, Ф. А. Степун, Н. С. Трубецкой, А. С. Хомяков) и советских (Ф. И. Гиренок, А. Л. Гольдберг, Я. С. Лурье, О. А. Платонов, Б. А. Успенский) философов и историков, писавших о духовной миссии царской власти. Поэтому одним из важных ресурсов новизны метода научных изысканий К. М. Товбина явился синтез русской/российской историософской, богословской и исторической мысли, осуществлённый в режиме поиска признаков самодержавной власти.

Исследователь полагал, что концепция отражала средневековое ментальное самоощущение русского народа как последнего хранителя истинного христианства в период царства «Третьего Рима»². Время её становления (X–XVI вв.) было поделено на 4 этапа по мере того, как общество, соотнося текущую реальность с максимумами православной веры, осваивало новые рубе-

¹ Бакулов В. Д. Указ. соч. – С. 353 - 354.

² Товбин К. М. Указ. соч. – С. 8 - 9.

жи в осмыслении своего положения в мире и перспективы внутреннего устройства.

В произведениях X–XV вв.¹, по мнению автора, отложились свидетельства первых двух этапов, в течение которых развивалось самосознание русских, выразившееся во взглядах книжников на положение Руси в мире, на сущность катехонической миссии и ответственность власти за духовное состояние народа. В текстах выделялись общие рассуждения о моральных качествах русичей, соразмерных, чтобы принять на себя ответственность за весь мир².

Как утверждалось, для *I этапа* была характерна «смутная мессианская рефлексия», которую выражали знаковые фразы из «Голубиной книги» (конец X в.): «Святая Русь – земля всем землям матери», «Белый царь... он держит веру крещёную» и других, в различных интерпретациях затем повторявшиеся в более поздних источниках. У митрополита Илариона (1024) Русь уже соотносилась с серединой мирового: как бытийного, так и духовно-христианского, пространства. Отзвуки идеи избранничества Руси, присутствующие во всех перечисленных выше памятниках книжности, свидетельствовали о первичной сакрализации русской земли, о присутствии в коллективном сознании психологической установки на выполнение вселенской миссии. В указанный период «начинается наложение понятия «община» на понятие «государство», и постепенно глава государства становится главой христианской общины»³.

Вслед за евразийцами К. М. Товбин заключает, что идея вселенской ответственности стала основным, духовно консолидирующим стержнем формирования русской нации и все бед-

¹ Речь шла о таких произведениях, как: «Голубиная книга», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского, «Повесть временных лет», «Задонщина», «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» Иосифа Волоцкого (1439–1515), «Послания» и «Устав о скитской жизни» Нила Сорского (ок. 1433–1508), «Домострой» и других.

² Там же. – С. 13.

³ Там же. – С. 39, 43, 45. Употребляя понятие «государство» в контексте событий и процессов, характерных для Древней Руси X–XI вв., К. М. Товбин даёт повод ещё раз обратить внимание на случаи непровольного осовременивания истории прошлого.

ствия, включая Ордынское иго, воспринимались как наказание не просто за грехи, но за небрежное хранение катехонического дара.

II этап (XIV – начало XV в.) был отмечен постепенным совмещением в сознании книжников понятий «церковь» и «царство» с ориентацией на византийскую модель взаимодействия светской и религиозной властей и закреплением за русским государем катехонической миссии. При этом сакрализовалась только священнослужительская функция, но не личность или поступки монарха. Не замещая главу церкви он тем не менее нес перед Богом ответственность за положение дел в религиозной сфере. В противном случае, как следует из текста «Беседы Валаамских чудотворцев Сергия и Германа» (середина XVI в.), терял титул самодержца¹.

В памятниках древнерусской письменности был обозначен вектор движения богословской мысли от ранее смутных представлений об ответственности Руси перед миром к ощущению единого соборного организма государства-общины, в котором за грехи и царя, и каждого рядового члена общества неизменно страдает царство, что негативно отражается на материальном и духовном благополучии всего народа. Таким образом, в средневековом сознании забота о спасении души представлялась делом глубоко личностным, а путь к нему предлагался совместный в рамках общины-государства.

На *III этапе* (конец XV – середина XVI в.) происходит структурно выверенное оформление концепции «Москвы – Третьего Рима», абсолютизированной власти правителя в пределах православной этики, результировавшей поиски основ православной идентичности в аскезе (Нил Сорский) и смысловом очертании формы русской церковности и государственности как взаимозависимых явлений (Иосиф Волоцкий).

В произведениях этого времени² обосновывалась уже нераздельная функция царя как «Удерживающего теперь» и хра-

¹ Там же. – С. 47.

² «Беседа Валаамских чудотворцев Сергия и Германа», «Пасхалия зрячая» митрополита Зосимы, «Повесть о Белом Клобуке», послания Филофея Псковского.

нителя веры. В свою очередь, церкви отводилась роль направляющей самодержавную власть в русло праведности и благочестия, обеспечивающей приоритет религиозных ценностей перед политическими¹.

Согласно К. М. Товбину, на *IV этапе*, начавшемся с царствования Иоанна IV, концепция трансформировалась. Произошёл переход от абсолютизации православной нормативности к гиперболизации верховной властью своей политической ответственности². В публицистике XVI в.³ были переопределены основные принципы самодержавной власти русских монархов⁴, в соответствии с которыми ответственность «Удерживаю-

¹ Там же. – С. 14, 63, 69.

² По мнению А. Л. Юрганова, и с ним не возможно не согласиться, существующие в историографии объяснения опричнины борьбой царя: либо против порядков и уделов (А. А. Зимин, С. М. Каштанов), либо против боярских и княжеских родов (Р. Г. Скрынников), либо за безграничную власть (В. Б. Кобрин), не лишены исторических оснований, но не раскрывают окончательных замыслов Ивана IV, действовавшего методом террора, если не обратиться к восприятию опричнины современниками, связывавшими её появление с желанием царя осуществить своеобразное чистилище перед Страшным судом. О данном мотиве поведения монарха свидетельствовало множество символических действий: добровольная смерть от рук царя, возложившего на себя особые пастырские функции, или опричников, называемых праведной силой, считалась невинно мученической, гарантирующей место у Господа и оценивалась Грозным как милость; казнь непокорных путём утопления в воде на «языке» эсхатологических образов (огненная река и дно реки (озера), рассечение тела и съедение останков животными, птицами, рыбами, считались атрибутами ада и Страшного суда) означала обречение души на мытарства; символика местоположения и архитектурных решений Опричного дворца была скопирована с града Божьего, описанного в книге пророка Иезекииля; в переводе слова «опричина» как «избранные» и в атрибутике опричного войска были выражены библейские мотивы избранничества – нахождения под защитой Божьей помощи, трагичность судьбы мифических народов Гог и Магог, предводительствовавших собачьими головами, принимавших участие в наказании грешников и т.д. (Юрганов А. Л. Указ. соч. – С. 356 - 411).

³ «Сказание о князьях владимирских», сочинения И. С. Пересветова и Иоанна Грозного.

⁴ Исследователи выделили три принципа: божественное происхождение самодержавной власти; полнота самодержавной власти, предполагающая единовластное правление; цель власти – «устроить» свою страну по Божественным заповедям (См.: Перевезенцев С. В. Духовно-политическая кон-

щего» уже не зависела от личных качеств царя. Не духовность, праведность, но его действия на установление социального порядка явились новым смыслом катехонической миссии¹. Свои выводы автор нашёл созвучными с точкой зрения В. Д. Бакулова, писавшего, что в указанный период «власть со страхом Божьим сменилась на власть посредством страха Божьего»², когда религия превращается во вспомогательное звено, обслуживающее государственную идеологию, а инициатива в формировании стандартов духовной жизни постепенно переходит к интеллектуалам светской части общества.

К. М. Товбин обратил внимание на очевидность появления в указанное время в средневековом сознании русских первых признаков секуляризационных процессов, диагностируемых, согласно В. В. Керову и Ф. И. Гиренку, в моментах несовпадения духовных и социальных целей, отрыва православной мысли от быта, когда поиск религиозно-нравственных ориентиров перестаёт отражаться на повседневности, в политике и других сферах жизнедеятельности, а восприятие прежнего мистического смысла титула «самодержец» начинает сливаться с политическим контекстом единовластия³.

Задачи нашего исследования не предполагают сопоставления точек зрения на причины наслоения в средневековом сознании прежних и новых смыслов обожествляемой самодержавной власти. По данной интереснейшей теме высказывались многие учёные, как историки, так и представители других отраслей социально-гуманитарных знаний: философы, культурологи, юристы⁴. Осмыслению подвергались не только факторы

цепция царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник МГУ. – Сер.12. Политические науки. – 2006. – № 4. – С. 91 - 92).

¹ Товбин К. М. Указ. соч. – С. 17 - 18, 65.

² Бакулов В. Д. Указ. соч. – С. 296.

³ Керов В. В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX вв. // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 30; Гиренок Ф. И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: Аграф, 1998. – С. 292.

⁴ См.: Величко А. М. Церковь и император: церковная власть византийских и русских императоров (историко-правовые очерки). – СПб.: Изд. Юридического института, 2006. – 236 с.; Курукин И. В., Булычёв А. А. Повседневная жизнь опричников. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 234 - 240; Рим-

военно-политического, экономического и социокультурного порядка, но и приметы следования России в Новое время общему направлению духовного, технологического и иного обновления различных сторон жизнедеятельности народов европейского континента. Анализировались проявления неосознаваемых установок и автоматизмов психологической защиты у главных фигур самодержавной власти¹, несомненно, привнесших новизну в её образ, ранее сложившийся в воображении подданных.

На данном этапе исследования для нас важна степень обоснованности суждений авторов научных трудов, писавших о проникновении идеи о самодержавной власти в «глубинную память» народа, измеряемую временем большой длительности, относивших эту нишу коллективного сознания к структурам менталитета².

Не будет преувеличением говорить о большом массиве рассыпанных в письменных источниках фактов, которым «несть числа», свидетельствовавших об укоренённости в мышлении различных слоёв общества филофеева идеала верховной власти. Часть из них, систематизированных по конкретной тематике, приведены в монографии *П. В. Лукина*, написанной на основе старообрядческих сочинений и материалов следственных дел о «непригожих речах», подтверждавших бытование в

ско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29-30 мая 1989 г. Сборник статей / Отв. ред. А. Н. Сахаров и другие.

¹ Мухин О. Н. Пётр I: личность и эпоха в поисках идентичности (перспективы изучения) // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б. Г. Могильницкого и И. Ю. Николаевой. – М.: Логос, 2005. – С. 91 - 110; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. – С. 164 - 265; Юрганов А. Л. Указ. соч. – С. 373 - 393 и другие.

² Данилевский И. Н. Указ. соч.; Кондаков И. В. Русское самодержавие как феномен культуры // Введение в историю русской культуры. – М.: Наука, 1994. – С. 69 - 70; Усенко О. Г. Ментальные основы древнерусского монархизма (середина XIII–середина XV вв.): оппозиции верность/измена и вассал/подданный // *Cahiers du Monde russe*. – 2005. – Т. 46. – № 1-2 (janvier – juin). – P. 363 - 385.

общественном сознании XVII в. образа праведного и благочестивого царя с ожидаемыми правилами поведения, носившими характер чётко не сформулированных нравственных предписаний. Учёный выстроил солидный ряд фактов, репрезентативно указывающих на наличие у простолюдинов сформированных внутренних установок и форм ощущения своего места в сложившейся социальной иерархии. Выделим его основные выводы:

– грамоты и указы, подписанные государем, никогда не воспринимались как неправильные, но в случае обнаружения в текстах какой-либо несправедливости в глазах народа они выглядели как фальшивые, поддельные, и эти признаки сомнений несли с собой риск понести очень суровое наказание;

– сознание человека в XVII в., ещё не воспринимавшее своего носителя как личность, прочно усвоило смысловую связку «Бог да государь», вошедшую в повседневную практику самоидентификации человеком своей сословной принадлежности. К примеру, на вопрос крестьянину «Чей ты?» естественным являлся выстроенный по иерархии общепринятых ценностей ответ: «Я человек Божий и великого государя»¹, и лишь потом – своего хозяина (из дворянского сословия);

– П. В. Лукин поддерживал точку зрения об обожествлении народом не царя, но его функции высшей власти в религиозном понимании, отягощённой к тому же языческим наследием. Так, при существовавшей практике обращения к царю с челобитной по бытовым вопросам простолюдину предварительно необходимо было символически получить мистическую санкцию свыше, то есть у святого, ответственного за предмет обращения, к примеру, за скот: у Фрола и Лавра – покровительствующим лошадям, у Настасия – овцам, у Власия – коровам, у Василия – свиньям, у Терентия – курам, у Мамонтия – козам, у Зосима и Савватия Соловецких – пчёлам и так далее².

¹ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М.: Наука, 2010. – С. 30 - 33, 46.

² Там же. – С. 42 - 44.

Перечисленные выше и другие приведённые в тексте сюжеты о сложной, во многом внутренне противоречивой системе социально-политических ориентаций представителей неприлегированных сословий явились основанием для вывода о сакрализации в народном сознании царской власти. Уже в XVII в. пределами единовластия монарха выступали народные ожидания отеческой, нравственно обязывающей заботы царя: этатистского – по отношению к обществу и отдельным его структурам, и патерналистского – по отношению к отдельно взятому человеку, характера¹.

Очередной датой, спровоцировавшей в связи с эсхатологическими предчувствиями высокое психологическое напряжение в обществе, был 1666 год, после которого, как заметил А. Л. Юрганов, у светских и церковных властей меняется прежде доверительное отношение к предсказаниям Страшного суда на более сдержанное в эмоциональном и религиозно-служебном плане. Последней в XVII веке датой предполагаемого прихода Антихриста явился 1699 г. (1666+33=1699), совпавший с возвращением Петра I из первого заграничного путешествия и началом его культурных нововведений. К этому времени для управляющей элиты прежние смыслы «Третьего Рима» потеряли свою привлекательность, но остались достоянием старообрядцев, соответствуя канонам их веры. В сочинениях Феофана Прокоповича – духовного сподвижника молодого царя, автор нашёл обоснование нового пути всеобщего коллективного спасения, связанного со службой государству, озвученного в новом религиозно-нравственном императиве: «Всякий чин от Бога суть»².

На другие условия, способствовавшие метаморфозам в XVII веке смысла державной власти, указала Н. А. Герцен, обратившая внимание на важное для российской государственности событие – избрание в 1613 г. царём представителя династии Романовых, не богоизбранной, но, как писал царь Алексей Михайлович в письме к князю Г. Г. Ромодановскому, благословен-

¹ Там же. – С. 253 - 255.

² Юрганов А. Л. Указ. соч. – С. 433 - 444.

ной Богом¹. В этой связи ранее воспринятая обществом идея служения Богу через службу царю трансформировалась в идею службы и Богу, и царю.

Исследовательница в развитие выводов, уже прозвучавших в труде П. В. Лукина, описала тенденцию сближения в политическом мышлении того времени смыслов таких понятий, как: «царь», «государь» и «государство», отразившуюся в тексте Соборного уложения 1649 года. Государственная служба как на законодательном уровне, так и общественным мнением расценивалась как служба лично царю, как государево дело, символически подразумевавшая частичное возложение на подданных функции самодержца – защитника и хранителя веры, и ответственность перед последним за сохранение его чести².

Таким образом, исследователи в рассмотренных выше трудах показали, что религиозно-политическая мысль Московского царства, с одной стороны, была восприимчивой к поискам новой идентификации верховной власти в меняющемся внутри и вокруг России политическом пространстве, с другой – духовные новации в сфере управления осуществлялись в пределах трансформации канонической идеи самодержавной власти, глубоко усвоенной всеми слоями средневекового общества.

Подытоживая результаты поиска семантических значений державности в трудах, посвящённых проблеме «Третьего Рима», надо отметить, что исследователи, скрупулёзно прослеживая пути её утверждения в духовном пространстве русского мира, в общих чертах аналитическим путём реконструировали порядок формирования метафизического интерьера верховной власти периода Московского царства, сконцентрированного на державной – религиозно-нравственной, или иными словами – самодержавной функции монарха.

Идеалистические представления священнослужителей, народа и правящей элиты о данной стороне власти монарха реализовывались, как показали авторы, в конфигурации отноше-

¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М.: АСТ, 2006. – С. 451.

² Герцен Н. А. Указ. соч. – С. 51 - 52.

ний господства – подчинения, закреплявших в сознании масс сакральный образ царя, культивируемый его носителями. Державная забота последних проявлялась посредством этатизма и патернализма, то есть в принципах управленческой деятельности, предполагавших материальную поддержку народа со стороны власти, в которой были заинтересованы обе стороны: из политико-прагматических и святоотеческих соображений – «рука дающая» и уповающая на помощь Бога с ожиданиями получить ресурс для выживания – «рука берущая».

Державность в контексте проблемы религиозного восприятия самодержавия в XVIII – начале XX в.

На рубеже XX–XXI вв. в историческом знании одним из основных каналов усвоения идеи державности являлось изучение сферы религиозного восприятия самодержавия в XVIII – начале XX в., которое проводилось с позиции структурного подхода¹, а также анализа наследия консервативной мысли XIX – начала XX в.². Исследовательская оптика фокусировалась на подвижном состоянии веры представителей различных социальных страт в небесную миссию земной верховной власти.

У сторонников *структурного подхода* к истории рассуждения о динамике общественных настроений тем или иным образом касались ставшего очевидным в XVIII в. процесса расщепления в духовном мире образованной части общества ощу-

¹ Гурьянова Н. С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Сборник статей / отв. ред. и сост. Е. Юхименко. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 142 - 146; Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. Сборник статей. – Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Горский. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 179 с.; Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII–первая треть XIX вв.). – М.: ИФРАН, 1995. – 323 с.; Хмырова С. Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII–конце XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – С. 108 - 126 и другие.

² См.: Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. – М.: Русское слово, 2002. – 352 с.; Снычёв Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). Указ. соч.; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX–начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2006. – 54 с.

щений метафизической связи с царём. Предметом исследования избирался, как правило, образ императора, сформировавшийся в сознании дворянства, среди старообрядцев и других страт, включая население отдельных уездов (губерний). Изучались колебания настроений и случаи отклонений в установках социальных групп, свидетельствовавшие об очагах повышенной эрозии идеала верховной власти, сложившегося в XIV–XVI вв. в силу убеждённости населения Московского царства в истинность канонической идеи об «Удерживающем», обосновавшей перемещение на Русь центра православия, о чём писал в начале XVI в. монах псковского Елеазарова монастыря Филофей, формулируя идею «Третьего Рима».

Одним из центральных сюжетов большинства современных работ явился анализ состояния соборного единения¹ в отдельных звеньях цепи знаковых для характеристики самодержавия отношений: «царь – дворянство», «царь – церковь», «царь – народ», а также в оппозиции должного и сущего в духовном мире личности монарха. Большинство пишущих по примеру советской историографии отождествляли понятие «монархии», конкретизирующей тип правления, с царством и империей, пришедшими в российский политический лексикон со своими значениями из соответственно византийской и европейской социокультурной среды, а также с понятиями «самодержавие» и «единовластие», выражавшими традиционные функции и одновременно признаки российской государственной власти.

Обратимся к трудам *И. Ф. Худушиной*, видевшей в самодержавии не только верховную власть и правительство: «это

¹ Употребляя понятие «соборное единение», использованное в XIX в. представителями религиозной историософии для указания на присутствие мистического смысла в духовной связи между царями и их подданными, мы преследуем цель уклониться от ненужной модернизации истории посредством её описания в терминах современного научного языка, сложившегося под влиянием развивавшегося атеистически-рационального мышления. Согласно А. Л. Анисину, «...интерпретация понятия о церковной соборности состоит в том, что совершенная полнота и целостность духовного единства личностей в богочеловеческом организме Церкви имеют основание в соотнесенности каждой личности напрямую со Христом» (Анисин А. Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2011. – С. 14.

прежде всего ещё и самодержавная идея как сущностное выражение царственного священного бытия и как некая абсолютная данность, имманентная русскому сознанию, вне которой общество себя не мыслило, очевидно, вплоть до середины 30-х гг. XIX в. (если не более), но именно с этих пор в мучительном напряжении начиная её преодолевать»¹.

Исследовательница сосредоточилась на изучении восприятия самодержавия в конце XVIII – первой трети XIX в. основными субъектами данной власти. В указанный период параллельно с проникновением в элитарное мышление европейского рационализма шёл процесс осознания личностью, ещё не усвоившей мысль о своей самоценности, но уже заявившей о своём существовании, собственного отношения к историческим реалиям, в том числе и понимания основ государственной власти. Признаки данной тенденции И. Ф. Худушина отметила прежде всего в новых мировоззренческих установках у носителей самой идеи.

Для *самодержцев* священство русского монарха было очевидным потому, что утверждалось в таинстве обряда миропомазания, впервые совершённого в 1547 г. Иваном IV. В силу этого они становились для всех православных высшими и непосредственными исполнителями воли Божьей, а также открывалась нерасторжимая духовная связь между царем и его подданными. Монархи посредством обряда возлагали на себя ответственность перед Создателем за вверенный народ и государство, а своё положение рассматривали как равноценное положению главы всей православной церкви и даже более высокое в сравнении с чином патриарха. Во время богослужения в храме они принимали участие в литургии, находясь внутри алтаря, причащались непосредственно из чаши и проходили через Золотые ворота, что являлось прерогативой лиц исключительно иерейского уровня.

По версии Н. А. Герцен, Пётр I разделил понятия «государь» и «государство». Если в XVII веке население Московского

¹ Худушина И. Ф. Указ. соч. – С. 11.

царства считало, что человек, служа государству, служит государю, то XVIII веке начинается смещение смыслов долженствования посредством вытеснения жизненных императивов, соизмеряемых главным образом с религиозными ценностями, императивами, способствовавшими достижению утилитарных целей в рамках православной гуманистической культуры. Служение государю стало рассматриваться как служение Отечеству, как и сам царь, хранитель веры, предстаёт перед народом уже в образе слуги Отечества, «труженика на троне»¹.

Следование новым мировоззренческим максимам, привнесшим новизну в социокультурное пространство России, не исключало активного воздействия на сознание реформаторов стереотипов предшествующей исторической эпохи. Так полагали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, рассматривавшие ряд преобразований Петра I «как кардинальные переименования в рамках уже существующего культурного кода»². В отдельные моменты идея «Третьего Рима» оказывала, по их мнению, давление на реальную политику и воплотилась в символах петровского времени: в переносе столицы в Санкт-Петербург и его противопоставление Москве; в строительстве новых архитектурных ансамблей, имитировавших облик шедевров римского зодчества; в барочной традиции, очаровавшей «высший свет», и других.

В течение столетия представители династии Романовых своеобразно решали вопрос о престолонаследии. Впрочем, ни дворцовые коллизии, ни дух европейского скептицизма, про-

¹ По мнению Б. А. Успенского, понятие «сын Отечества», использованное Феофаном Прокоповичем в наименовании Петра I в «Песни победной», посвящённой победе в Полтавской битве, могло означать связь царя с «духовным отцовством». С принятием в 1721 году титула «император» Пётр I одновременно стал официально титуловаться и как «сын Отечества», что ранее применялось только к патриархам, в том числе константинопольским и александрийским. Не случайно в данный период в России было упразднено патриаршество и император возглавил Церковь. Патриарший пост до 1917 г. оставался за российскими монархами (Успенский Б. А. Избранные труды. – С. 52, 56).

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б. А. Указ. соч. – С. 128.

никавший в аристократическую среду, ещё не могли поколебать внутренней потребности её представителей и населения страны в целом верить в истинность традиционного образа самодержца как посланника Бога, хранителя православной веры и христианских принципов, которые, собственно, и укрепляли легитимность верховной власти¹. Самодержавие, как и прежде, отождествлялось с идеалом российской государственности.

Как известно, XVIII в. считается периодом интенсивного проникновения в умы образованной части российского общества приёмов рационального мышления с попытками гипотетически примерить на русскую почву теории «естественного права», «общественного договора» и другие идеи о совершенствовании светского государства, взятые из «штудий» представителей европейской гуманистической мысли: Т. Гоббса, Ж. Ж. Руссо, Вольтера и других. Ко второй половине столетия сформировалась система общественно-политических взглядов, известная науке как идеология просвещённого абсолютизма, связанная с именем императрицы Екатерины II и деятелями русской культуры, представлявшими консервативное (И. Т. Посошков, А. П. Сумароков, М. М. Щербатов) и дворянско-либеральное (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин) направления мысли. В умах дворянства екатерининской эпохи актуализировались мечты не только о праведном и благочестивом, но также образованном и нравственно безупречном монархе, заботящемся о благе своих подданных и управляющем по разумным, справедливым законам².

Наиболее деликатным для исследователей оказался вопрос о том, насколько глубоко и искренне Романовы воспринимали и выполняли свою миссию Отца (Матери) русского народа и Помазанника Божьего после венчания на царство и произнесения клятвы на Библии перед святыми иконами. Несомненно, проникновенность царствовавших особ в смыслы российской власти не могла между ними быть равной в силу меняющейся исторической обстановки, степени их индивидуальной подго-

¹ Боханов А. Н. Указ. соч. – С. 260.

² Кондаков И. В. Русское самодержавие как феномен культуры. – С. 85 - 86.

товленности к исполнению обязанностей верховного правителя при наличии тех качеств, которыми они характеризовались как личности. Не следует забывать и волю случая, вознёсшего на трон Екатерину I, Анну Иоанновну, Пётра III и Екатерину II, получивших воспитание и образование в католической среде, кроме Анны Иоанновны, тем не менее, не выражавшей симпатий к традициям собственного народа¹.

В современной литературе анализировались противоречивые религиозные убеждения Александра I, названного в народе Благословенным. Испытывая влияние проникшего в Россию ещё с петровских времён идейного масонства, он видел прообраз церкви Небесной и залог земного счастья в мистической «внутренней» церкви, устроенной в душе каждого христианина, указывающей путь преодоления различий в вероисповедании². Подобные убеждения являлись весьма странными для главы православного мира, в действительности имевшего сложную систему верования, базирующуюся на протестантизме, пророчествах и полной веротерпимости к христианским Церквам и сектам. Напротив, учёные не находили повода усомниться в глубоком осознании религиозного смысла самодержавной власти последующими коронованными особами, начиная с Николая I, упорядочившего процедуру престолонаследия и заложившего систему воспитания цесаревичей в лоне Отечества, родительской семьи и традиционной веры.

И всё-таки имевшиеся в истории династии Романовых случаи противоречия между религиозными убеждениями монарха и долгом выполнения самодержавной функции не могли не сказаться на деформации восприятия власти ближайшим окружением.

¹ Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. – М.: Ладомир, 2001. – С. 147.

² О противоречивости религиозных убеждений Александра I в своё время писал великий князь Николай Михайлович (1859–1919). Там же. – С. 12 - 13, 180, 185; Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб.: Нестор, 1998. – С. 33 - 45.

Для дворянской аристократии, приближенной к персоне монарха, вера в божественную природу самодержавной власти не являлась незыблемой. Отдельные её представители, очевидно, легко могли расстаться с трепетным чувством к царствующим особам, о чём свидетельствовали дворцовые перевороты в XVIII столетии. Выступление декабристов (1825) показало уже свершившееся раздвоение мировоззренческих установок поколения, участвовавшего в войне 1812 г., выразившееся в неосуществлённом выборе между сложившимися нравственными императивами и политической волей осуществить задуманные новации на государственном уровне.

Симптомы ломки традиционного мировоззрения И. Ф. Худушина, Е. А. Вишленкова, Ю. Е. Кондаков, З. П. Тинина и другие исследователи усматривали в усложнении социокультурной сферы, а именно:

- в развитии самостоятельной от церкви светской культуры;
- обострению на рубеже XVIII–XIX вв. религиозного сознания общества и распространении на этом фоне христианских, «сатанинских» (в оценках православных) течений (хлыстов, скопцов, квакеров, гернгутеров, ультрамонтанов), в поощрении деятельности других конфессий;
- общем политическом курсе монархов на создание в России атмосферы веротерпимости как залога управляемости подданных¹.

Среди дворянства в течение XVIII столетия росла популярность доктрины масонства, сосредоточенной на построении утопических проектов евангельского государства, основанного

¹ Вишленкова Е. А. Идеи мира и экуменизма в политической жизни России первой четверти XIX в. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий / Ред. Е. Л. Рудницкая. – М.: Наука, 2003. – С. 199 - 224; Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 332 - 339; Тинина З. П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 1999. – С. 211 - 213.

на филантропии и нравственном совершенствовании личности¹. Оставаясь сугубо элитарным явлением, масонство, как пояснял в своё время В. В. Зеньковский, утверждало естественные для русских «примат морали и сознание долга служить обществу»², но несло в себе ростки новой религии, обещая человеку обретение благодати без посредничества церкви, что в будущем неизбежно вело к утрате российской властью своего божественного ореола.

Екатерину II такой поворот в умах элиты сильно беспокоил, и на ложи налагались относительно мягкие, но всё-таки запреты. В эпоху Александра I общества «вольных каменщиков» дождались новой легализации (1810) с постановкой их деятельности под правительственный контроль. Окончательный запрет был наложен рескриптом 1822 г. в связи с изменением внешнеполитической конъюнктуры, связанной с несовпадением поддерживаемых императором идей христианского космополитизма с новыми задачами Священного союза европейских государств, ставшего оплотом борьбы с собственным народом и национально-освободительным движением³.

Российский вариант масонства вследствие непонятой обществом противоречивости его идейных установок в первой трети XIX в. всё более замыкался на конспиративной обрядовости, на задаче сохранения мистической «тайной энергии», избегая тем самым публичности. Тем не менее общий всплеск религиозных исканий повлиял на пробуждение в 1830-е гг. отечественной философской мысли⁴, представители которой разделились на апологетов и критиков самодержавной власти.

Положение *православной церкви* в XVIII – начале XX в. в социальной иерархии по внешним признакам не соответствовало тому пониманию принципа симфонии светской и религи-

¹ Халтурин Ю. Л. Отношение русских масонов XVIII–XIX вв. к православной церкви: опыт типологии // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 24 - 32.

² Худушина И. Ф. Указ. соч. – С. 161, 147 - 157.

³ Сидорова Н. И. Мистицизм в русской религиозной культуре первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2010. – С. 15 - 22.

⁴ Андреева Л. А. Религия и власть в России. – С. 162 - 163; Худушина И. Ф. Указ. соч. – С. 151, 163.

озной властей, в мечтах о котором в XI–XVI вв. формировались представления о сущности самодержавной власти. Надо признать, что церковь в течение всего XX в. изучалась исторической наукой преимущественно с позиций сциентизма как фундаментальный духовный институт, который занимает определённое место относительно другого фундаментального, но уже политического института – государства. В распоряжении исследователей имелось три аксиоматичных варианта для обозначения их взаимоотношения: симфония (равнозвучие) властей, цезаропопизм (принцип главенства царства над священством), папоцезаризм (принцип главенства церковной власти). Увидев в истории России признаки реализации цезаропопистской версии¹, учёные использовали её в качестве универсальной аналитической фигуры, которая не требовала дополнительных пояснений, но служила опорой рассуждениям о сложившейся системе государственного администрирования религиозных структур.

Для характеристики отношений в звене «царь – церковь» И. Ф. Худушина использовала широко употреблявшиеся в историографии и превратившиеся в клише фразеологические обороты, как, например: «религиозно-государственная идеология эволюционировала в государственно-религиозную», «церковь была заложницей государства», «проводилась политика растворения церкви в государственной системе» и другие, резюмировавшие господствующее положение светской власти². Неоднократно подчёркивалась мысль о несоответствии службы в приходах новым духовным запросам общества, службы, компрометирующей себя излишней обрядовостью и низким культурным уровнем духовенства. В данном контексте бесспор-

¹ Андреева Л. А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 97; Суховецкая Г. В. Культурно-исторические предпосылки модернизации России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 36; Салтыкова С. А. Государственная защита православной веры и церковной организации в России (X–XVII вв.): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 22 – 23.

² Худушина И. Ф. Указ. соч. – С. 77, 127, 168.

ным выглядел вывод о том, что «секуляризация XVIII века неизбежно вела к обмирщению и формализации веры, но при подчёркнутом пиетете по отношению к православию», и если первый раскол (середина XVII в.) отвернул часть общества от официальной церкви, то второй, связанный с деятельностью Петра I, от культуры, «традиционная культура... волевым порядком оказалась низведённой до уровня крестьянской, земледельческой»¹. Таким образом, рисовалась удручающая картина неуклонно наступавшего кризиса религиозной компоненты власти монарха, за которым логичным было ожидать кризис веры и её идеалов, вошедших в сознание народа.

В ходе инициированных Петром I секуляризационных процессов с определённой периодичностью материально и организационно то ослаблялись, то затем вновь стабилизировались возможности церкви в духовном окормлении народа². На один из периодов угнетения священнослужителей косвенно указала и И. Ф. Худушина, повествуя о воспоминаниях английского историка Уильямса Кокса, автора «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию» (1778), заметившего при посещении домов петербургской знати отсутствие среди гостей представителей белого духовенства. Англичанин причиной игнорирования архиереев посчитал увиденную в приходах грубость, неотёсанность попов, неумение многих из них читать на латинице Евангелие³. Впрочем, иностранец мог и не догадаться о возможном существовании в данный период более веской причины – резкого неприятия иерархами масонских увлечений дворянства.

На рубеже XX–XXI вв. историки, не отвергая смысловые обороты славянофилов, находились в поиске инструментария и научного языка, которые бы позволили адекватно выразить степень влияния церкви в синодальный и постсинодальный периоды на верования народа, в том числе на сохранение в об-

¹ Там же. – С. 120, 170.

² См.: Цыпин В (протоиерей). История русской церкви (синодальный период). – Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной семинарии, 2004. – 241 с.

³ Худушина И. Ф. Указ. соч. – С. 133.

пещественном сознании нравственного идеала самодержавной власти. Причинно-следственные связи относительно включения в 1721–1917 гг. церкви в систему государственных учреждений выводились из понимания стратегии единовластных царей устранить потенциально возможный политический конфликт с патриархом. При этом на периферии внимания в данной проблеме оставался один важный момент, который побуждает пересмотреть однозначность заявлений о господстве принципа цезаропопизма в политической истории России, верного только в организационно-управленческом контексте. И здесь уместно говорить о нераздельности властей в лице одного человека, одновременно выполнявшего функции и самодержца, и государя, о наличии симфонии между священниками и народом, с одной стороны, и царём – Предстоятелем православной церкви – с другой.

Эта связь проявлялась в наивном монархизме XVIII–XIX вв. и обнаруживала себя по ряду признаков, выделенных И. В. Побережниковым на примере уральского региона¹:

– в разговорной речи и фольклоре жителей Каменного пояса был показательным оттенком патернализма, о чём красноречиво свидетельствовали эпитеты: «наш батюшка восударь», «батюшка православный царь» и другие вероисповедные фразеологизмы («благочестивый», «благоверный царь»). Сопряжение имён бога и царя зачастую производилось с одновременным наделением их синонимичными качествами («Воля Божья, а суд государев», «Есть воля Божья и твоя царёва» и т.д.);

– по представлениям общества самодержец как духовных правитель стоял выше закона и был ограничен лишь собственным словом. С его именем связывалось исполнение сокровенных надежд, а функция защитника интересов подданных распространялась уже на всех членов правящей династии;

¹ Побережников И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII–первая половина XIX вв.) // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 31 - 35.

– идеализация монарха проявлялась в его отделении от властвующей элиты и даже в противопоставлении ей как досадного барьера между царём и народом.

До событий 1917 г. у служителей церкви, как и в народе в целом, достаточно стойким было не только ощущение духовного созвучия церковной и самодержавной властей, но и убеж-

Икона Божией Матери Державная Богородицы² с изображением Божией Матери, увенчанной царским венцом, облачённой в царскую порфиру, держащую в руках державу и скипетр³. Икона свидетельствовала, что в духовном смысле самодержавие не покинуло свой народ, а функ-

дённость в истинность веры и миссии Удерживающего, помогавшие духовенству преодолеть выпавшие испытания в смирении, в повседневной службе Богу и в небезуспешном просвещении народа (вспомним широкую сеть церковно-приходских школ), наследников престола и монархов¹.

Не случайно в день отречения Николая II (2(15)03.1917) иерархами была явлена Державная чудотворная икона Пресвятой

¹ О самодержавии. Речи правых в 3-ей Государственной думе. – Вып. 1. – СПб.: Типография «Россия», 1908. – С. 9 - 10.

² Икона датируется концом XVIII – началом XIX вв. Есть предположение о её принадлежности кремлёвскому Вознесенскому женскому монастырю. Перед началом войны 1812 г. была спрятана в Вознесенской церкви – С. Коломенского. Позже была обнаружена в подвале храма сильно загрязнённой. С 1990 г. она находится в церкви Казанской иконы Божией Матери в Коломенском (Большая Российская энциклопедия / Председатель науч.- ред. совета Ю. С. Осипов. – С. 565 - 566.

³ Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие / Гл. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – Т. 1. – С. 493.

ция Удерживающего перешла в Дом Пресвятой Богородицы – небесной покровительницы России, в которой, по представлениям верующих, символически совмещаются образы языческой Родины – Мать-сырой Земли и христианской Церкви – невесты Христовой¹.

Как видим, структурный подход в исследовании проблемы религиозного восприятия в XVIII – начале XX в. самодержавия был нацелен на выявление динамики разнообразных оттенков ощущения народом сложившегося политического ландшафта, отражавших в том числе сложную психологическую конфигурацию его метафизической связи с монархом. Было отмечено, что отклонения от канонического восприятия власти имели место преимущественно в среде дворянства и служащих, среди которых традиции православного вероисповедания оказались наиболее подвержены эрозии со стороны проникавших в российское общество европейских либеральных идей и верований. Исследователи напрямую не обращались к теме державности, но она имплицитно присутствовала в рассуждениях об устойчивой ориентации большей части общества на религиозный идеал российской власти.

В рамках анализа консервативной мысли XIX – начала XX в. религиозную компоненту в восприятии обществом верховной власти выделяли А. Н. Боханов, О. А. Милевский, А. В. Пролубников, А. В. Репников, М. В. Шерстюк и другие специалисты, главным образом в области исторических и юридических наук, отметившие развитие в тот период познавательных практик как религиозно-философского, так и радикального направлений в интерпретации самодержавия. Для образованной среды XIX в. была характерна атмосфера нарастающего идейного противостояния между сторонниками вектора развития российского государства с опорой на традиционные формы организации общества и самодержавную власть, именуемыми в историографии консерваторами и адептами либеральных концепций власти, ориентированных на обслуживание частных интересов

¹ Багдасарян В. Э. Священство и власть в контексте политической мифологии // Научный эксперт. – 2006. – № 1. – С. 86.

личности, исповедующей ценности набравшего экономического и политическую мощь капиталистического уклада.

В персонах, олицетворявших российское западничество, среди которых были государственные деятели высокого ранга, философы-патриоты, представители разночинной интеллигенции, промышленного и иного капитала, ещё сложно было опознать ту силу, которая оказалась нацеленной на вытравливание из собственного и в перспективе – из народного сознания, унаследованного от предыдущих поколений нравственного смысла российской монархии. В интеллектуальном споре обозначились разнонаправленные мировоззренческие установки на переосмысление духовных основ государственной власти, выступившей инициатором и организатором модернизации страны на индустриальной основе. С одной стороны, представители религиозно-философского направления пробовали теоретически обосновать важность православной миссии самодержавия и его сохранения как ответственной перед народом власти, органичной для российского общества, с другой – традиционное сознание социума подтачивали радикально настроенная позитивистская, либеральная, социал-демократическая и социалистическая мысль.

В поиске теоретических основ и соответственно развёрнутого ответа на вопрос: «Что есть русское самодержавие? – А. Н. Боханов пишет об отсутствии в XIX в. таковых. В позитивистской науке последних двух столетий он заметил подмену проблемы идеократической, с его точки зрения, верховной власти проблемой абсолютизма, подчёркивавшей неограниченные политические полномочия монарха¹. Таким образом, в конце XX в. не потеряло своей актуальности предостережение, высказанное ещё Н. Ф. Фёдоровым и В. О. Ключевским, считавших недопустимым смешивать истинное самодержавие, предполагающее мессианскую функцию царя, с единодержавием, то есть с абсолютизмом власти, оторванной от народа². Отождествление понятий являлось, по мнению историка, признаком секу-

¹ Боханов А. Н. Указ. соч. – С. 287.

² Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – С. 69 - 70.

лярных знаний, характерных для либеральной общественной мысли, в XIX в. находившее поддержку у правоведов М. М. Сперанского, А. Д. Градовского и других, толковавших российскую власть исключительно в категориях западноевропейской социологии, не считаясь с традиционным русским правопониманием, «где фактическое и формальное далеко не всегда не только не сливались, но порой вообще не находились в состоянии смысловой гармонии»¹.

Симпатии автора оказались на стороне религиозной философской мысли, представленной идеями славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Аксаков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин), представителей русской культуры (П. Я. Чаадаева, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского) и отечественной консервативной мысли (М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, В. В. Розанов, Д. А. Хомяков и других). Анализ метаморфоз самодержавия и его историософских осмыслений преследовал цель подтвердить собственную гипотезу, сформулированную в следующем виде: «Фокусом русской истории, её «магическим кристаллом» неизменно выступал монарх-правитель, наделённый не просто властными прерогативами, но и нравственным бременем долга и ответственности, равнозначные церковному послушанию»².

Ещё раз отметим: как явный поборник классической научной рациональности А. Н. Боханов утверждал об отсутствии теоретического обоснования самодержавной власти, но как вдумчивый исследователь – выделял историософские интерпретации богословского учения о религиозной миссии русского монарха. Сложно представить в ином виде концептуальное обоснование самодержавия: без библейской догматики, без святоотеческой речевой стилистики, с опорой только на приёмы рационального мышления. Стержневой момент народного восприятия власти царя и царём своего положения – «Богоявленность» не предполагала вольных, нерелигиозных трактовок.

¹ Боханов А. Н. Указ. соч. – С. 291 - 293, 304.

² Там же. – С. 17.

Очевидно, по причине внутреннего конфликта между усвоенным методом познания и иррациональной природой предмета исследования Александр Николаевич усмотрел в суждениях Н. М. Карамзина, первым определившего место и роль самодержавия в истории России, и митрополита Филарета Московского (Дроздова) (1782–1867), писавшего о сущности царской власти, только лишь сумму ценностных ориентиров. Уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» (1832), представленная как парафраз старого воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество!», была названа базовым принципом, эмблемой православного государственного мировосприятия¹.

Современными историографами консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в., как и А. Н. Бохановым, отмечалась объединяющая всех представителей данного направления идея об органичности и самобытности российского самодержавия, выступавшая в трудах одной из основных сюжетных линий². Впервые опубликованные в «Православном собеседнике» (1861–1863) забытые послания монаха Филофея побуждали философов второй половины XIX в. к размышлениям о прочно усвоенной русскими в течение последних трёх столетий религиозно-политической максимы – «всякая власть от Бога», закрепившейся, как в глубокой вере народа в существование его неразрывной связи с царём, которая не вписывалась в исторические схемы новомодного материализма, так и в отождествлении самодержавия с «верховой властью нравственного идеала»³.

¹ Там же. – С. 60 - 64, 75.

² Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII – XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2012. – С. 18 - 19; Погожева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 8 - 9; Пролубников А. В. Концепция монархической государственности Л. А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1998. – С. 14 - 19; Шерстюк М. В. Л. А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010. – С. 27 - 28.

³ Цыганов В. И. Идея русского самодержавия и её развитие в творчестве Л. А. Тихомирова: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2000. – С.

Системный взгляд на сущность верховной власти в России был обнаружен в концепции монархической государственности Л. А. Тихомирова, выделившего характерные признаки «истинной (самодержавной)» монархии:

- «божественная делегация царской власти;
- верховенство монарха и его независимость от любых источников власти;
- юридическая безответственность монарха»¹.

Тем не менее к концу XIX в. не произошло, как полагал А. В. Репников, оформления политико-правовой доктрины самодержавной власти, ссылаясь на точку зрения обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева, считавшего невозможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов².

Для изучавших наследие русской консервативной мысли был очевиден факт осознания её представителями тесной взаимосвязи и взаимообусловленности православия и самодержавия, не исчезнувшей в ходе событий 1917 года и наступившего духовного кризиса общества вместе с десакрализацией персоны монарха. После свержения Помазанника Божьего в умах большей части российского народа произошла инверсия православной веры в свою противоположность – воинствующий атеизм³.

Таким образом, историки на рубеже XX–XXI вв. опосредованно освещали идею державности, возвратив в научный оборот знания о религиозной сущности самодержавной власти, которые накапливались представителями консервативной мысли в течение XIX в.: в историософской публицистике, в творчестве писателей (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и другие), в трудах

13. Аналогичную оценку высказал О. А. Милевский в отношении взглядов поздних славянофилов и мыслителей-почвенников (Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова) (См.: Милевский О. А. Л. А. Тихомиров: Из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2007. – С. 32).

¹ Цыганов В. И. Указ. соч. – С. 116 - 117.

² Репников А. В. Указ. соч. – С. 31.

³ Десницкий А. С. Священство и царство в российском общественном сознании (из истории одного архетипа) // Континент. – 2000. – № 104. – С. 275 - 276.

по истории России, создаваемых в условиях утверждающейся научной рациональности и религиозного ренессанса начала XX в., возникшего, согласно Н. А. Бердяеву, в преодолении материализма, позитивизма и утилитаризма, в глубоком и остром осознании интеллектуалами «пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации и пр.»¹. Новизна идей о самодержавии была обнаружена в метаморфозе эсхатологических мотивов русского православия, выпестованных богословием, в смысловые формы, синтезировавшие церковное понимание царского послушания и философское мировоззрение образца второй половины XIX в., сосредоточенное на духовном мире русского человека, уже стремившееся выразить себя в реализме².

Изучение феномена русской консервативной мысли и одного из его продуктов – объяснение религиозной сущности российской монархии осуществлялось в разрезе научной парадигмы о развитии общества через борьбу идей и противоборство образов мышления. Психологические аспекты политической власти интересовали учёных конца XX в. в той мере, насколько их ориентированная на классическую рациональность методология позволяла вычленивать явные проявления укоренённости в общественном сознании XVIII – начала XX в. традиционных представлений о самоценности Помазанника Божьего, усвоенных и изящным языком сформулированных в трудах русских философов. В целом историки русской консервативной мысли выявили глубокий уровень осмысления в XIX в. специфики верховной власти в России, после событий 1917 г. на десятилетия застывший в шаге от процедуры её идентификации в фокусе ментальных структур. Инструментарий требуемой комплектации, адекватный для успешного решения этой проблемы в историко-психологическом контексте, появился в европейской науке немногим более десятилетия позже в области ана-

¹ Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея: В двух томах. – Т. 2 / Сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. – М.: Искусство, 1994. – С. 231, 278.

² Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 132 - 133.

литической психологии, базирующейся на юнговских архетипах.

Современные интерпретации державности в режимах историчности

В 1990-е годы системный кризис советского строя плавно перешёл в кризис реализуемого либерального проекта реформируемой российской государственности. В активном диалоге отечественной элиты с представителями европейской политической культуры в очередной раз актуализировалась потребность в определении цивилизационной специфики сложившейся системы властных отношений, подвигнувшая интеллектуалов к возвращению державной терминологии после нескольких десятилетий забвения в политическую риторику и обыденную речь. В стороне не осталась и историческая мысль. С начала 2000-х гг. в научных трудах и эссеистике всё чаще стали встречаться отдельные реплики, проговорки и рассуждения представителей различных предметных областей научного знания о державной политике в геополитической, экономической и социокультурной сферах.

Учитывая нечёткую концептуализацию ключевого понятия, рассмотрим современные (последних двух десятилетий) интерпретации державности в методологическом ракурсе, позволяющем соотнести их с известными моделями восприятия времени. Как было установлено, в современной научной литературе семантические поля державности связывались с идеями катехона, «Третьего Рима», самодержавной власти и соответствующими аналитическими схемами, усвоенными интеллектуалами в XIX в. На рубеже XX–XXI вв. данное наследие было переосмыслено в атмосфере теоретического плюрализма, допуская свободное использование «чужих» предметных и проблемных полей. Поэтому проведению типологизации точек зрения, не равноценных в плане концептуального обоснования и формату изложения, наилучшим образом соответствует полидисциплинарная оптика, позволяющая распознать теоретические основания и научно аргументированных, и интуитивных суждений.

В инструментальном плане такие возможности предоставляет синтез идей: о режимах историчности – французских учёных (Роже Шартье, Франсуа Артог) и «горизонтах ожидания»¹ – Райнхарта Козеллека, представителя немецкой науки.

Однако вначале нельзя не вспомнить им созвучную идею Л. Н. Гумилёва о четырёх типах ощущения времени. Её автор утверждал о преобладании в том или ином возрасте этноса одного из типов восприятия прошлого, настоящего и будущего, предопределяющих цикличность истории народа. Он полагал, что в период становления этнической общности, по мере накопления материальных, идейных ценностей и их трансформации в этические императивы, у большинства населения доминирует ощущение времени, выраженное понятием «пассеизм»². Люди чувствуют себя продолжателями линии предков, прошлое воспринимается как реальность и мерило текущих событий. Затем пассеизм уступает место актуализму, при котором основная часть народа руководствуется сиюминутными и эгоистическими интересами, забывая о прошлом и не желая знать будущего³. Для футуристического восприятия времени характерно игнорирование ценностей прошлого, как уже исчезнувшего, и настоящего, как неприемлемого ради целей будущего, воплощённых в мечте, часто осознаваемой в виде национальной идеи. И наконец, в статичном состоянии этноса (речь шла о последних фазах этногенеза) люди игнорируют время, так как

¹ Немецкий историк Райнхарт Козеллек ввёл понятие «горизонт ожидания» для обозначения эффекта незримого присутствия будущего (состоящего из предвосхищений, прогнозов, желаний, надежд и страхов) в сознании людей прошлого (См.: Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: «Suhrkamp», 1989; Закиров А. В. Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.)

² Гумилёв Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*. – С. 94.

³ В качестве примера актуального восприятия времени был назван Иван Грозный. Однако и религиозное мировоззрение царя, и его деятельность, обусловленные эсхатологическими ожиданиями, указывают на пассеистическое мышление, соотносящее переживаемые события с неким первоначальным, исходным состоянием.

их деятельности темпоральный отсчёт уже не приносит пользы¹.

Аналогичные мысли, но не в связи с этногенезом, а с процессами всемирной истории, были изложены в идее о режимах историчности, проясняющей специфику сосуществующих в обществе темпоральных отношений. Оперируя понятием «горизонт ожидания», введённым Райнхартом Козеллеком для обозначения эффекта незримого присутствия будущего (состоящего из предвосхищений, прогнозов, желаний, надежд и страхов) в сознании людей прошлого, Франсуа Артог писал об утвердившемся в Новое время футуристическом режиме историчности, отмеченным неуклонным устремлением к «горизонту ожидания» (к тому, чего ещё нет), воспринимаемым западноевропейскими народами через понятие прогресса.

Автор с беспокойством отмечал возникшие между двумя мировыми войнами симптомы кризиса в восприятии интеллектуалами времени, проявившегося в разрыве непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим, породившего презентизм (аналогичный гумилёвскому «актуализму») с его историей настоящего времени. Презентизм был следствием осознания Холокоста, краха коммунистической идеи и многих других трагических событий XX в.², утверждая собой право на существование темпоральной индивидуальности как в рамках отдельных дисциплин, так и в творчестве отдельно взятых исследователей, избирательно воспринимающих время³, в сознании которых «самодостаточное, мощное, всепоглощающее и вездесущее настоящее само ежедневно создает такое прошлое и будущее, какое ему нужно (...) которое само является своим собственным горизонтом и открывает перед ис-

¹ Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 95 - 98.

² Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 3. – С. 21 - 28.

³ Чеканцева З. А. Время историка. – С. 72. 66 - 78.

ториками возможности написания истории памяти и истории современности»¹.

Таким образом, в целях изучения смысловой нагрузки реплик о державности, внешне демонстрировавших плюрализм мнений и примеры ситуативного использования ключевого понятия в условиях теоретического кризиса в историографии, мы приобретаем важный инструмент для их диагностики на тип восприятия времени, обусловивший комплектацию аналитического аппарата у того или иного автора.

Пассеистский уклон в осмыслении державности выражался посредством манифестации важного для части населения современной России значения традиционных ценностей общества, связанных с олицетворением «горизонта ожидания» в идеальном образе государственной власти, осознанным поколениями интеллектуалов в прошлые исторические периоды. Все встреченные рассуждения, отразившие данный временной контекст, представляли три направления исследований в зависимости от выбранного проблемного поля: аксиологии, исторической психологии или эсхатологии.

К *аксиологическому* направлению отнесём точки зрения, подчёркивавшие нравственную ценность российского государства, или, говоря словами писателя А. А. Проханова, государства как высшей ценности, «в которой народ аккумулирует свою способность к историческому творчеству»². Аналогичные мысли можно было встретить в трудах некоторых философов. Так, рассматривая предпосылки и факторы формирования национального самосознания, А. М. Кумыков выделял усвоенные историческим сознанием основополагающие идеи: нравственную – в качестве высшей цели и задачи государства; и идею сильной власти, обеспечивающую целостность государства и реализацию его задачи, состоящей «в исправлении общественного строя и приближении его к нравственному поряд-

¹ Словарь историка / Отв. ред. Николая Оффенштадт при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 153 - 154.

² Проханов А. в программе «Познер» 3.03.2013 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://vladimirpozner.ru/?cat=82> (дата обращения 18.03.2013).

ку»¹. Сходные суждения авторы черпали из работ Ф. И. Гиренка, писавшего о предмете ответственности власти с позиций православной духовности². Указанным научным изысканиям и общественным настроениям созвучным оказался смысл первой строки принятого в 2000 г. гимна Российской Федерации – «Россия – священная наша держава», в которой была воспроизведена идея «Третьего Рима».

Анализ практики использования державной терминологии в аксиологическом измерении показывает отсутствие у авторов единого подхода к описанию нравственной грани идеального типа российской власти.

Согласно В. А. Артамонову, державное сознание и его синонимы (государственный инстинкт, гражданская державность, державная воля, «державность», оборонное сознание) должны ассоциироваться с преданностью человека, народа своему государству и желанием служить его интересам³.

Державная власть, утверждал С. Ю. Кабашов, является носителем фундаментальных духовных ценностей⁴.

В условиях России дух государственности, как без дополнительных комментариев считал М. Ю. Грищенко, может быть выражен понятием державности⁵.

Державность вместе с духовностью и соборностью рассматривалась Н. В. Асоновым в качестве «реальной альтернативы

¹ Автор представляет нравственную идею в виде набора чётко не сформулированных «нормативно-нравственных ценностей служения общенациональному коллективному началу общества, а также основные идеологические предпочтения в ориентирах государственного строительства нации» (Кумыков А. М. Национальный идеал российской государственности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 14 - 15, 35.

² См.: Товбин К. М. Указ. соч. – С. 59.

³ Артамонов В. А. Патриотизм и державное сознание в России: становление и эволюция IX–XX вв. // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Ред. Н. Ф. Бугай. – М.: Голден-Би, 2010. – С. 11.

⁴ Кабашов С. Ю. Российское государство: державность и государственный аппарат // Экономика и управление. – 2012. – № 6. – С. 15.

⁵ Грищенко М. Ю. Идеология общественного развития России // Власть. – 2007. – № 10. – С. 31.

западным проектам разложения России»¹, а в интерпретации Ю. П. Буданцева и В. И. Большакова она описывалась с помощью таких понятий, как симфония властей и соборность².

Российская монархия, как заметил М. Н. Нечапкин, обладала рядом неповторимых черт, среди которых упоминалась и державность³.

В выступлениях представителей высшего образования слышались призывы о необходимости формирования у населения патриотического сознания, а также следовать принципу державности в смысле сохранения единой и неделимой России⁴.

Как видим, приведённые выше клишированные умозаключения упрощённо воспроизводили лейтмотив интенций консервативной мысли конца XIX в. и показывали интуиции авторов. Они были лишены научной новизны, но несли в себе определённый потенциал воздействия на дезориентированное мировоззрение обывателя, побуждая его вновь обратить внимание на пока неясно осознаваемую державность, в нравственном прочтении выступающую «горизонтом ожиданий», на который ориентировались многие поколения россиян.

К современному *эсхатологическому* направлению отнесём точки зрения, связывавшие понятие державности с религиозной и светской версиями идеи спасения человечества. Учёные опирались на историю развития государственного сознания в России и выделяли ключевое значение идеи «Третьего Рима» в формировании общественных представлений о справедливой власти.

¹ Асонов Н. В. Византизм и российская власть: уроки и смыслы // Власть. – 2010. – № 9. – С. 29.

² Буданцев Ю. П., Большаков В. И. Указ. соч. – С. 23 - 36.

³ Нечапкин М. Н. Эволюция российской государственности (XIX–начало XX в.) и её отражение в консерватизме: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2004. – С. 8.

⁴ Самарин В. А., Шуманский И. И., Ермолаев Д. Е. Формирование патриотического сознания как один из важнейших факторов единения нации. Совершенствование системы патриотического воспитания работников УИС: Лекция. – СПб.: СПб ИПКР ФСИН России, 2012. – С. 10.

О безусловном влиянии православия на политическое мышление русских писал О. А. Платонов, уточнив определение державности: «это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного религиозного служения «за совесть». Державность отождествлялась с государственным самосознанием народа, принявшим на себя церковное послушание «Удерживающего», «стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла»¹, упомянутое в послании апостола Павла. В целом обществоведы были солидарны во мнении, что длительное время все формы российской власти были связаны с самодержавным принципом и освящались божественным авторитетом².

Осмысливая повороты российской истории XIX–XX вв., Н. М. Ракитянский обратил внимание на случаи перевоплощения православной идеи спасения в феномен «светской святости», допуская как утрату в сознании отдельных слоев населения ореола святости представителями верховной власти и перенесение его на великих поэтов и писателей (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого), так и сакрализацию вождей коммунистической партии³.

Идея спасения, по мнению И. Б. Орлова, занимала особое место и в коммунистической идеологии, создавшей новый религиозный культ с политическим антирелигиозным наполне-

¹ Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – С. 657.

² Алексеева Е. В. Указ. соч. – С. 37; Шаповалов В. Ф. Россияведение. – С. 171–172.

³ Ракитянский Н. М. Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии // «Теория и практика российской политической психологии»: Материалы научной конференции, посвященной 20-тилетию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 года / Под науч. ред. А. И. Юрьева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – С. 79.

нием¹, растворившей смысл российской державности в патриотизме, в положениях морального Кодекса строителя коммунизма, составленного по аналогии со сводом заповедей закона Божьего. Тем не менее автор полагал, что и в XXI в. державность в обществе по-прежнему востребована. Она подразумевает не только политический вес на международной арене экономического, военного и духовного могущества страны, но и наличие идеологии и нравственного порядка, действующих в интересах всего народа.

Таким образом, представители современной версии эсхатологического направления определяли державность через осмысление взаимодействия двух феноменов: верховной власти и пока малоизученной веры, исторически созидавшей культурные нормы и ценностные регуляторы поведения, ставшие признаками специфики российских социальных институтов. При этом подчёркивалась преемственность между православно-религиозными и светскими смыслами державности, рождёнными в процессе непрекращающихся исканий человеком и обществом в целом путей постижения высшей истины, в перманентном осмыслении идеи мистического спасения народа, облечённой в различные периоды истории в своеобразные духовные и материальные формы. Авторы с помощью современного аналитического инструментария, по существу, отстаивали религиозную максиму самодержавия, вошедшую в «плоть и кровь» российского общества, сформировавшую у людей идеализированное понимание власти как священного долга, ориен-

¹ Автор напомнил один малоизвестный исторический факт, убедительно подтверждающий сказанное: «И. В. Сталин сделал многое для возрождения идеологии «Третьего Рима». В 1945 г. он организовал за государственный счет пышное проведение церковного собора с участием греческой иерархии, а на 1948 г. планировалось проведение всеправославного собора с целью перемещения московского патриарха с пятого места на первое в православной иерархии. Это давало каноническое обоснование идеи «Третьего Рима» и фактическое объединение под крылом Сталина всего «поствизантийского» мира. Но этим планам помешали американцы, не давшие включить в «социалистический лагерь» Грецию» (Орлов И. Б. Российское государство в системе религиозных и светских ценностей // Российское государство в системе религиозных и светских ценностей. Материалы научного семинара. – Выпуск № 8. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 33).

тированного на достижение ими же очерченного «горизонта ожиданий».

Историко-психологическая направленность в уяснении феномена державности была характерна для группы исследователей, использовавших в освещении проблемы ментальную риторику. Надо сказать, основной рефрен работ и научная специализация авторов имели косвенное отношение к проблемным полям психологии и истории. Очевидно, по этой причине можно встретить некорректное отношение к терминологии.

Державность, по мнению кандидата экономических наук М. В. Ильясовой, является не просто формой государственности, но также исторически и ментально закрепленным мировоззрением, базирующимся «на принципах справедливости, терпимости, духовности, гармонизации экономических и иных личных и общественных интересов»¹. В заметно завуалированном виде она определялась С. Б. Кавериним, разработчиком идеи «просвещенного менеджмента», как «черта личности, означающая отдельную и еще не охваченную акмеологической теорией характеристику акмеологического совершенства»². В пространном и не бесспорном перечне генетических кодов российской цивилизации (духовность, «коммунальность», имперство, этнический стержень при этнотолерантности, самосознание «самости», самобытность и мессианская составляющая как стержень идеологии, дух цивилизационной соревновательности и самоуважение) А. С. Сенявский лишь упомянул о державности³. Гипотезой диссертационного исследования кандидата философских наук М. А. Ющенко, апеллирующей в большей степени к обыденным представлениям об окружающем мире, явилась идея о закреплении в сознании народа самодержавной модели власти, «в результате чего монархизм превратился (?! – **Н. М.**) в архетипическую модель, которая воспроизводится в

¹ Ильясова М. В. Критерии державной политики национального государства // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 8. – С. 94.

² Каверин С. Б. Экономика и акмеология // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 3-4. – С. 483.

³ Сенявский А. С. Указ. соч. – С. 61.

других формах власти в России. Эта архетипическая властная модель проявилась на коммунистическом и посткоммунистическом этапах развития российской культуры»¹.

Приведённые точки зрения и небольшое количество работ, в которых они формулировались буквально несколькими штрихами, сами по себе показательны незавершённой систематизацией в творческой лаборатории авторов аналитического инструментария, необходимого для описания зависимостей между формами и типами российской власти, с одной стороны, и ментальными структурами – с другой.

Среди учёных, специализировавшихся на изучении менталитета русских, интересующая нас тема не разрабатывалась.

Футуристический уклон в осмыслении державности был характерен для представителей экономических наук, выдвинувших идею рассматривать взаимную интеграцию социокультурных и экономических факторов важным условием эффективной реализации предлагаемой программы политического, экономического и духовного развития страны. Коллективным разработчиком идеи выступили выходцы и соратники научной школы экономиста В. М. Юрьева (Тамбовский государственный университет).

В концептуальном плане их воззрения представляли собой логически связанную совокупность идей, объединённых современными смыслами державности. Теоретическую базу рассуждений составили:

– концепции «нового» среднего класса² и гражданского общества, обосновывавшие необходимость увеличения в соста-

¹ Ющенко М. А. Феномен власти в России: Социокультурный аспект: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2009. – С. 12.

² Согласно А. Л. Спесивцевой, начиная с 1980-х гг. в зарубежной историографии «происходит сначала смещение акцента с анализа среднего класса вообще на анализ его профессионального потенциала и новый средний класс, а затем разделение последнего на профессионалов – элиту нового среднего класса, обладающих не просто высоким уровнем человеческого капитала, а уникальными знаниями и навыками, и всех остальных» (Спесивцева А. Л. Процесс развития экономической науки: эволюция концепции среднего класса // Вестник науки Сибири. – 2011. – № 1. – С. 430).

ве работающего населения доли среднего класса как важного показателя развития отечественной экономики;

– концепция глобализации мировой экономики, позволившая В. М. Юрьеву и его последователям рассмотреть в державности идеологию «конкретной политико-хозяйственной формы реализации национальных государственных интересов России, обуславливающей приоритет интересов нашей страны, но не во вред интересам других стран глобального мира» или как сугубо российскую теорию «развития в глобальном мировом пространстве человеческой цивилизации»¹;

– концепция модернизации и теория экономических интересов², оценивающие предполагаемые прогрессивные изменения в жизни социума «в интересах образованных и ответственных людей, которые и будут составлять средний класс общества, развивать новые технологии, производство, сферу услуг»³;

– идея державности, возникшая, по мнению руководителя научной школы, в православии с осознанием божественности царской власти, но в период правления династии Романовых трансформированная в идеологию социально-экономического развития российского государства, предполагающая в современной системе принятия решений учёт традиционных нравственных ценностей, традиций и обычаев общества⁴.

¹ Ильин А. Ю., Копылов С. И. Проявление державности в реализации государственной политики России: ретроспективный анализ // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 9. – С. 71; Юрьев В. М. Державность как идеология развития России в постиндустриальной системе глобальной цивилизации // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2011. – Вып. 7. – С. 9.

² Копылов С. И. Детерминанты социально-экономического развития национальной экономики: роль и место державной социально-экономической политики // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1. – С. 94.

³ Юрьев В. М., Налётова И. В. Концепция державности как механизм преодоления бедности: теоретические и эмпирические аспекты // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – Вып. 9. – С. 10.

⁴ Андросов В. В., Карпунина Е. К. Проблемы определения императивов государственной экономической политики в соответствии с концепцией державности // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 3. – С. 22; Юрьев В. М., Налётова И. В. Влияние русской культуры на огосу-

Представленная теоретическая оснастка позволила представителям экономической науки экспериментировать с определением российской державы, которая в интерпретации Г. В. Козловой является гибридом традиционно жёсткой вертикали власти, совмещающим в себе демократическое самоуправление в отдельных сегментах социально-экономической системы, во внешней и внутренней политике – прагматизм и приоритет национальных интересов в целях достижения всеобщего национального блага и высокого качества жизни¹. В свою очередь, понятием державности был показан «горизонт ожиданий» в виде желаемого состояния российского государства, которое должно характеризоваться определенным набором качественных и количественных характеристик, направленных на реализацию индивидуальной инициативы в интересах регионов и государства в целом².

Как видим, в режиме футуристического восприятия времени актуализация религиозно-нравственных смыслов державности была подчинена обоснованию предполагаемого созвучия традиционных ценностей народа с предлагаемым либеральным, по существу, вектором дальнейшего развития России. В перспективе, по мнению разработчиков, государство в роли мировой державы должно обеспечивать «миропорядок и благо достижения своих высших целей развития...» на основе принципов «гармонии интересов каждого человека, социальных групп, общностей, нации в целом»³. Рассмотренные умозаключения, эксплуатирующие ресурс исторического знания, по цели – утопичные, не являлись оригинальными, но представляли общее направление экономико-социологических исследований

дарствление идеологии державности // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – Вып. 8. – С. 30.

¹ Козлова Г. В. Держава и империя: две качественно различные формы государственности // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 20.

² Козлов А. А. Социально-цивилизационный блок в державной парадигме развития российского государства // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 8 - 9.

³ Юрьев В. М., Налётова И. В. Держава в мире империй // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 10.

по проектированию дальнейшей модернизации России в XXI в. с учётом аксиологических, идейных, ценностно-нормативных структур общественного сознания¹.

Презетнизм в осмыслении феноменов державы/державности был присущ исследователям, рассматривавшим генезис российской государственности через призму ценностных ориентиров современного общества – непосредственно субъективно осязаемой и прочувствованной реальности, объективированной ввиду очевидности происходящих событий, не требующих подтверждения, являющейся следствием исторических процессов в их ретроспективе, а значит, имеющей право выносить свои вердикты прошлому. Сторонники актуального восприятия времени при общем понимании взаимосвязанности смыслов державы и самодержавия, представляли два направления исследования: историко-культурное и теоретико-социологическое.

Особенностью работ историко-культурного направления являлся характерный ещё для историографии советского периода с её классовыми оценками взгляд на самодержавие как на специфическую модель традиционной российской власти², при описании которой допускалось произвольное оперирование понятиями, составившими терминологический ряд политологии. Авторы, пользуясь ситуативно удобными для того или иного контекста смысловыми фигурами, как бы «не замечали»

¹ В 1990–2010-е гг. представителями экономической науки и социологии в поисках путей преодоления кризиса общественного строя в России активно разрабатывались концепции: модернизации, устойчивого развития, институциональных матриц и другие, в том числе державной экономики (См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. (Изд. 2-е, перераб. и дополн.). – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.; Молчанов К. В. Экономико-философское предметное поле концептуального обоснования модернизационного проекта развития России.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 13 - 14; Фролова Е. А. Формирование социальной ориентации экономики России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Томск, 2005. – 23 с.; Чиянова Э. В. Устойчивое развитие социально-экономической системы общества: принципы и факторы: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Воронеж, 2004. – 24 с.).

² Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2000. – С. 9.

различий между формой правления (структурой и компетенцией органов власти), государственным режимом (совокупностью способов и методов осуществления государственной власти) и функциями верховной власти. Поэтому самодержавие, если вспомнить лежащую в его основе каноническую идею о небесной миссии земного царя, осознаваемую венценосными особами и народом¹, с презентистских позиций представлялось в иной ипостаси, а именно:

– как форма правления (Б. С. Ерасов, М. П. Мчедлов)², сочетающая монархические, аристократические и демократические принципы правления с такими характерными чертами, как: цензовый характер власти, преобладание политической и военно-полицейской функций, сохранение в государственной системе политических позиций предшествующей элиты, доминирование авторитарных тенденций и силового управления, наличие госаппарата с тенденциями к расширению своих функций и сужению социальной базы (Н. В. Асонов)³;

– системой правления: характерной для восточных деспотий, не предполагающей ни договорных отношений, ни прав подданных (А. И. Липкин)⁴, в том числе обусловленной личностными свойствами первого лица (Е. А. Лукашева)⁵;

¹ См.: Павлова Е. В. Преемственность и легитимность самодержавной власти по российскому законодательству // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 5/1. – С. 57 - 61.

² Российская цивилизация: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. М. П. Мчедлова. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 116; Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – С. 422.

³ Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2009. – С. 18.

⁴ Липкин А. И. Российская самодержавная система правления // Полис. – 2007. – № 3. – С. 39 - 42.

⁵ Лукашёва Е. А. Устойчивые традиции российской цивилизации: Человек и власть // Научный эксперт. – 2009. – Вып. 12. – С. 31.

– как синоним государства, «в котором вся полнота законодательной и исполнительной власти принадлежит царю» (Б. Н. Миронов)¹;

– с формально-юридической стороны оно является синонимом абсолютизму и неограниченной монархии (В. Ю. Захаров)²; условиях этатистско-самодержавного правового сознания это власть, не зафиксированная в Конституции (Н. Б. Комова)³.

Нетрудно увидеть, что авторы создавали образ самодержавия по лекалам советской исторической науки, расставлявшей основные акценты на единовластной сущности верховной власти, надо отметить, характерной для многих авторитарных режимов, и не только российских. Понятая под таким ракурсом традиционная власть в 1990-е гг. в практике цивилизационной идентификации страны в меняющемся геополитическом пространстве воспринималась исследователями как настоящее. В новом контексте образ самодержавия «зашифровывался» в понятии державы.

Типичным примером презентизма являлась научная позиция лингвиста М. В. Ильина, отождествлявшего понятие державы, встреченное в древнерусских текстах, с понятием империи. Автор определил тип политической организации русско-го/российского общества в XI–XX вв. как имперский, аргументировав точку зрения указанием на существовавшее в средневековье разделение социального пространства на господствующий центр и зависимую периферию⁴, кстати, явление типичное в рамках всеобщей истории. Ложность авторского посыла заключалась в несоответствии исторической стратегии российского государства, периодами озабоченного больше дать, чем

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): – 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – Т. 2. – С. 111.

² Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий. // Научные труды Московского гуманитарного университета. – Вып. 96. – М.: Изд-во МосГУ. 2008. – С. 53 - 54.

³ Комова Н. Б. Указ. соч. – С. 49.

⁴ Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы (Деспотия, Империя. Держава.) // Полис. – 1994. – № 2. – С. 129.

перераспределить в пользу центра ресурсы народов, населявших присоединённые территории, тому образу империи, который скопировали мыслители Нового времени (Ж. -Ж. Руссо) с европейских метрополий с вытекающими признаками их колониальной политики. О «демоне» и «маразме» державности, увиденной в первую очередь в личностях монархов и вождей, с экспрессией писал А. В. Лубский, подразумевая наличие непомерных внешнеполитических амбиций, дискредитирующих, по его мнению, государственную власть¹.

Всё изложенное выше подтверждает выводы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева о склонности к презентизму представителей леворадикальной историографии и политического мэйнстрима². В работах историко-культурного направления употребление державной терминологии в контексте осмысления проблем современности осуществлялось, изъясняясь словами М. А. Барга, при одностороннем упорядочении «опыта прошлого с целью истолкования его в свете опыта настоящего»³, оставляя за скобками понимание внутренних процессов и каналов трансформации российской власти.

В работах *теоретико-социологического* направления выразилась накопившаяся в научном сообществе неудовлетворённость трактовкой российской власти в схемах исторического материализма. Новизна исследований его представителей заключалась в новых подходах к категоризации исторической динамики России, решаемой с помощью аналитического инструментария социологических концепций, главным образом зарубежных авторов (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Коллингвуд) и метафор в рамках разработки двух конкури-

¹ Лубский А. В. Государственная власть в России (исторические реалии и проблемы легитимности) // Российская историческая политология. Курс лекций: Учебное пособие. / Отв. ред. С. А. Кислицын. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 50 - 52.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 76.

³ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – С. 12.

рующих идей: Русской власти (В. П. Макаренко)¹ и Русской системы (Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов)².

Указанные идеи, каждая из которых претендовала на ключевую роль в уяснении ставшей острой во второй половине 1990-х гг. дискуссионной темы особого пути России, неоднократно подвергались как позитивной, так и острой критике³. По результатам анализа эксперты выделили общее между ними основание: вывод о том, что историкам пока не удалось исчерпывающе решить вопрос о социальной природе самодержавия, а также признание метафизического характера русской власти. Если у Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова построение отношений господства – подчинения в России – локальной цивилизации связывалось с идеей о власти как базовой системообразующей единице её истории, то у В. П. Макаренко они рассматривались в плоскости генезиса «власти – собственности», характерной для Восточной (в понимании Л. С. Васильева) цивилизации⁴.

По версии А. И. Фурсова, самодержавный статус монархов, названный «Центроверхом», был предопределён их надзаконным положением в обществе и автосубъектностью (источник обоснования власти заключён в самой власти) теократического свойства, обеспечивающей легитимность государя благодаря его собственной убеждённости и осознанию населением его

¹ См.: Макаренко В. П. Указ. соч.

² См.: Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. – 2001. – № 1. – С. 37 - 48; Аванесян С. Р. Русская власть и проблемы партийной идентичности в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 14; Олейник А. Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология. – 2010. – № 1. – С. 86.

³ См.: Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсивный анализ публикаций последних лет. – С. 545 - 546; Ковалёв В. А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. – 2006. – № 1(50). – С. 40 - 60; Мигولاتьев А. А. Макаренко В. П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998. – 448 с. // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 47 - 50.

⁴ Лубский А. В. Концепт «Русская власть». Метафорические возможности интеллектуального дискурса.

христоподобности, то есть сопричастности к Божественному Промыслу. Автор заключает, что данный ценностный пласт постоянно воспроизводит матрицу нематериальных отношений, существовавших в различных исторических формах и конфигурациях взаимосвязи, позволяющих на этом основании считать петербургскую монархию и русский коммунизм разновидностями идеократии¹.

«Русская власть», по версии разработчиков аналитической истории В. А. Дубовцева и Н. С. Розова, это «комплекс устойчивых и воспроизводящихся в российской политической истории свойств политических режимов. Речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие»². В объяснении цикличности автократии высшего уровня и её стратегии удержания своего господствующего положения в обществе Н. С. Розов опирался на идеи «власти – собственности» и «вертикального договора», раскрывавшие соответственно причины сохранения контроля со стороны государства над «капиталами в широком смысле» (термин Н. С. Розова) и доверия народа к царю-батюшке³.

Нетрудно заметить, что новое теоретическое осмысление феномена высшей власти, инициированное философами, опиралось на историческое знание о факторах и условиях развития российского государства. Однако, в отличие от представителей историко-культурного направления, видевших в преемственно-

¹ Автор полагал, что наследуется конфигурация отношений, при которых у человека, облечённого высшей властью, формируется «...отношение к себе как к единственно значимому субъекту, который находится не только над всеми в своей зоне, но и над всем, в том числе и над законом» (Фурсов А. И. Феномен русской власти: преемственность и изменение. Материалы научного семинара. – Выпуск № 3 (12). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 70 - 71).

² Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. – 2007. – № 3. – С. 8.

³ См.: Липкин А. И. О «колее» российской истории и возможности «перевала». Критический анализ концепции Н. С. Розова // Полис. – 2012. – №. 1. – С. 179 - 185

сти свойств власти традицию, разработчики представленных выше историко-социологических схем считали их повторение исторической инерцией, метафорически названной «русской колеёй». Метафора колеи символизировала постоянное попадание страны в порочные, по мнению авторов, циклы, преодолеть которые возможно на «перевале» (термин Н. С. Розова), то есть на пути от авторитаризма к демократии, к гражданской самоорганизации с последующим переходом общества к новой логике исторического развития¹.

Всё изложенное выше показывает, что авторы презентистских аналитических моделей как знатоки истории России, имевшие в распоряжении солидный набор концепций, макро- и «среднего уровня» теорий общественного развития, созданных в различных познавательных средах, не могли не отметить метафизическую природу державной власти в различных её формах. Тем не менее выбранные исследовательские стратегии, построенные на современных социологических схемах, удобных для составления теоретических прогнозов, недооценивали глубину влияния духовных факторов на историческую динамику России. В контексте данной методологии вполне естественными выглядели попытки негативно представить державность в качестве досадного наследия, мешающего дальнейшему поступательному развитию общества. Пояснение её очевидной живучести было найдено в некой инерции текущих процессов, которая может быть преодолена в случае либерализации общественного строя.

Таким образом, анализ и типологизация точек зрения на идею державности, высказанных в научной среде в последние двадцать лет, показали присутствие в историческом знании о российской власти её многослойного по восприятию времени

¹ См.: Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 6. – С. 54 - 55; Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 735 с.

смыслового поля, вобравшего в себя весь спектр ранее приобретённых значений.

Подведём итоги. Отмечая множественность смысловых конструкций, с помощью которых на рубеже XX–XXI вв. предпринимались попытки воссоздать образ традиционной государственной власти, И. В. Следзевский констатировал, что у авторов «держава и державность... ассоциируется не только с независимостью государства, но и с истинной Властью, духом служения Власти высшим сакральным началам и народным интересам, идеалам государственного устройства»¹. Отдавая должное изысканиям историков, представителей семиотики, этимологии, богословской мысли и других социально-гуманитарных наук, подчёркиваем вероятностный характер выявленных исследователями начальных смыслов полисемантического понятия «держава», реанимированных из памятников книжности XI – XVII в. Уже по материалам словарей конца XVIII – начала XX в. можно было обнаружить устойчивое разделение его смыслового поля на религиозные и светские значения.

Обществоведы, анализируя обстановку эсхатологических ожиданий XI–XVII вв., считали глубокую веру средневекового общества в миссию катехона основополагающей в формировании метафизического образа царской власти. Поэтому понятие державности канонически и по существу соответствовало обозначению актуальной для народа религиозно-нравственной и верозащитной функции русского царя как самодержца.

Исследователи историографии дореволюционного периода показали, что рефреном напряжённых интеллектуальных исканий являлись, с одной стороны, концептуализация знаний о самодержавной власти в рамках богословской и консервативной (славянофильской и историософской) мысли, с другой – десакрализация персоны царя представителями радикальной публицистики и либеральной историософии. В тот период прежде иносказательное и метафоричное описание державно-

¹ Следзевский И. В. Образ России как смысловой конструкт. (Семантическая составляющая «главного русского спора»). – С. 107.

сти как небесной функции высшей земной власти было переформулировано с помощью языковых фигур, понятных ценностно-рациональному мышлению, позволивших идеализированному образу религиозно-нравственному образу пребывать не только в утопических представлениях, но и быть логически осознанным.

Возобновившаяся в перестроечные годы практика употребления державной терминологии, главным образом в политической риторике и в научном нарративе, выглядела естественной для традиционной языковой культуры русских. Она отсылала духовно дезориентированное общественное сознание к ассоциациям и интуитивным сопоставлениям действительного и желаемого порядка в системе управления страной с исконными народными представлениями об идеальном образе власти с выхолощенным в советский период религиозным содержанием. Исследования показали как недооценённое историческое значение, так и ещё недостаточную изученность феномена державности, в семантическом плане многослойного, воплотившегося в символическом интерьере духовного, социокультурного, политического и материального пространств России, значение, которое, как полагаем, имеет перспективу более полно быть усвоенным посредством синтеза знаний о духовном мире российской цивилизации, накопленных в науках социально-гуманитарного и естественно-научного цикла.

В результате переосмысления накопленного в историческом знании массива информации о смыслах державности, можно предположить архетипическую природу данного феномена, выраженную в устойчивых представлениях русских о желаемой модели российской государственной власти, сформированных под влиянием всей совокупности природных и социальных факторов в период становления и подъёма российской цивилизации. Державность, благодаря развитию научного и богословского знания, стала осознаваемым ценностным императивом – результатом мысли и чувства, рассудочного знания и православного вероисповедания. В истории государственной власти она исполняла роль организующей идеи, имевшей про-

тивоположные векторы в реализации: игнорирование и абсолютизацию, в духовном плане предопределявшие соответствующие политические циклы: реформ – контрреформ, либерализации – стабилизации общества.

Державность как дедуктивно определяемый архетипический образ проявлялась в устойчивых стереотипах мышления и поведения, в первую очередь «ответственных» за сферу отношений между властью и обществом (этатизм), а также властью и человеком (патернализм). Очевидный патримониальный характер державности указывает на её включённость в общую конфигурацию образов, раскрывающих базовую для них природу юнговского архетипа Великого отца. Поэтому в историографии дополнительные штрихи к описанию интересующего нас историко-психологического феномена, символизирующего идеалистическое понимание целостности и порядка организации российского общества, авторы добавляли сюжеты о сакральности, иерархичности и авторитарности власти, конкретизировавшие другой архетипический образ – Вождя, то есть внешнего проявления того, что само общество в качестве вызова предъявляет сфере господства – подчинения.

Всё изложенное выше подтверждает идею об укоренённости в историческом сознании народа идеальных представлений о государственной власти, материализующих архетипический образ державности. Отечественная историческая мысль доказала определяющее значение православия в формировании российского варианта державной власти. Православно-нравственный аспект, как и специфичная конфигурация архетипических образов в менталитете русских, обусловили особенное отношение народа к своим верховным правителям, в масштабе большой длительности связывавшего с последними свои горизонты ожиданий.

Заключение по главе IV

В главе на примере современной отечественной историографии проведена экспертиза смыслов концепции о мобилизационном типе развития и идеи державности на эквивалент-

ность авторским представлениям об одноимённых архетипических образах соответственно развития общества и государственной власти, характеризующих российскую цивилизацию.

В результате изучения генезиса семантики ключевых понятий, а также аргументации и выводов историков и представителей других социально-гуманитарных наук о факторах, причинах и условиях устойчивости обозначаемых в их контексте явлений и процессов, был сделан ряд выводов.

1. Неизменная направленность общества на экстенсивный рост и заимствование новаций вследствие специфического соотношения между возникающими потребностями и имеющимися условиями их реализации обусловили уже много веков доминирующий в российской цивилизации мобилизационный тип развития.

2. Усвоенная с каноническими текстами многовековая вера русских в возможность существования верховной власти, обременённой долгом с православно-мессианским и нравственным наполнением и ответственностью по принципу справедливости – перед обществом (стереотип этатистских отношений) и человеком (стереотип патерналистских отношений) воплотилась в представления о державности – идеализированном образе российской государственной власти.

3. Сформировавшиеся в период становления и подъёма российской цивилизации указанные выше тенденции в социальной практике и духовной жизни общества, сохранившиеся к началу XXI в., являются, на наш взгляд, признаками проявления архетипических образов коллективного бессознательного.
